

МАР 20 1913

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Огдѣльные номера по 15 ц.

Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th.

Single copies at 15 cents

Rev. A. Hotovitzky, Publisher.

15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

№ 5 Vol. XVII. NEW YORK, March 14, 1913, 1 Мартъ 1913 г. № 5.

For English Text see page 101.

ВЫСОЧАЙШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

«21 Февр. 1913 г.

«РУССКОМУ АРХІЕПИСКОПУ ПЛАТОНУ,

«Нью-Йоркъ.

«Примите, Владыко, и передайте паствѣ вашей и Нью-Йоркскому Братству Мою сердечную благодарность за выраженные чувства.

НИКОЛАЙ».

21 Февраля сего года, въ знаменательный день юбилейнаго чествованія трехсотлѣтняго славнаго царствованія на Руси Дома Романовыхъ, Его Императорскому Величеству, Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Александровичу принесены были по каблегра

фу привѣтствія отъ всей Американской Православной Руси, отъ миссійныхъ ея учреждений, отъ русской патріотической печати, Русскаго Эмигрантскаго Дома и Нью-Йоркскаго Рождество-Богородицкаго Братства. На привѣтствія эти Его Императорское Величество изволилъ благодарить поздравителей вышеприведенной каблеграммой на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Платона, Архіепископа Алеутскаго и С.-Американскаго.

Привѣтствія Государю Императору отъ Американской Православной Руси были выражены Его Высокопреосвященствомъ въ слѣдующей формѣ:

«ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ,

«С.-Петербургъ.

«Счастливъ доложить Вашему Величеству, что вся Американская нынѣ восторженно настроенная и всегда беззавѣтно преданная Вамъ, нашъ родной Государь, Православная Русь свѣтло празднуетъ 21 Февраля, радостно привѣтствуя Васъ.

Архіепископъ ПЛАТОНЪ».

Нью-Йоркское Братство Рождества Пресвятыя Богородицы привѣтствовало своего Государя такой каблеграммой:

«ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ,

«С.-Петербургъ.

«Славному своему, родному, великому Царю могучее УРА возглашаетъ Русское Рождество-Богородичное Нью-Йоркское Братство.

«Архіепископъ ПЛАТОНЪ.

«Предсѣдатель, Петръ Романовскій.»

21 ФЕВРАЛЯ 1913 ГОДА въ Нью Йоркѣ.

Вотъ когда бы пташкой вольною вознести-ся въ высь небесную! Вотъ когда бы Русь родимую съ тѣхъ высотъ окинуть взоромъ радостнымъ... Ко груди ея припасть — прислушаться, какъ ключемъ кипитъ сердце русское, какъ кипитъ родникъ любви, родникъ счастья: веселится Русь о Царѣ своемъ, Царскій родъ Его прославляется, перекатами громовыми по Руси идетъ «Ура» мощное, къ трону Царскому чувство русское устремляется: Здравствуй, Солнышко наше ясное!

Вотъ она чудо-Родина, богатырь—исполинъ, Русь могучая! Разукрасилась, приодѣлась, флаги славные развѣваются, звонъ во веѣ концы переливается... Озарилась Русь по-пасхальному, огласилась пѣсню дивною,

гимномъ чуднымъ, гимномъ радостнымъ... Полетѣлъ тотъ гимнъ на дальни стороны, звонкимъ эхомъ прокатился онъ, черезъ воды океанскія, разбудилъ вездѣ сердце русское... Сердце русское отозвалось, отозвалось — откликнулось кликомъ вѣрнымъ, кликомъ преданнымъ, словомъ пламеннымъ и искреннимъ, пожеланіемъ молитвеннымъ:

Нашъ привѣтъ тебѣ, наша Родина! Нашъ поклонъ земной Царю-Батюшкѣ!

Въ храмахъ Божіихъ какъ нарочито — воспѣвается пѣснь особая, и волнуетъ она душу русскую, будитъ память ихъ о родной землѣ — умиленными восторгами: Ахъ, какую пѣснь воспою тебѣ, мой родной Сіонъ, въ этотъ чудный день, русскій — праздничный?

Царское Семейство.

Ахъ, какой вѣнецъ я сплету Тебѣ, Родъ Романовыхъ, славный—Царственный? Радъ бы пѣть и пѣть — слово немощно! Пусть поетъ баянъ — сердце русское... Предъ очами развернулася во всю ширь свою, — ширь безмѣрную,—Русь могучая, несравнимая... Ликование юбилейное!... Набѣжала на глаза слеза чистая, умиленная... Не забыть тебя, край родной, сыну твоему во вѣки!.. Не отрѣзали моря отъ ствола вѣточки, твои радости — наши радости!..

Триста лѣтъ такъ сочеталась Русь съ Родомъ Царственнымъ Романовыхъ, — какъ честной бояръ Романовыхъ во главу себѣ Домъ поставила! Утвердила милость Божія всенародное избраніе, возрастила Русь въ мужа крѣпкаго, православіемъ могучаго, милосердіемъ богатаго, слабымъ мощнаго покровителя, правды грознаго ревнителя, Трону Царскому слугу вѣрнаго, сына вѣрнаго отечеству. Въ дни святые, юбилейные, всѣмъ почившимъ память вѣчная, Государю—лѣта многая, лѣта многая — счастливыя, русскимъ людямъ—благоденствіе, всей Руси благословеніе!

Вдохновеннымъ призывомъ своего Архипастыря 21 Февраля вся Американская Русь подвиглась достойно чествовать знаменательные дни Трехсотлѣтія Царствованія Романовыхъ. Какъ всегда, центромъ русской жизни, патріотическихъ манифестацій, праздничныхъ проявленій русскаго чувства въ Америкѣ явился Каѳедральный Соборъ нашей Миссіи. Сюда подъ родное крылышко своего патріота-Архипастыря собралась русская семья, и здѣсь провела 21 Февраля, молитвой прославила этотъ день, себя добрыми чувствами укрѣпила и радостью сердце свое исполнила.

Съ вечера въ среду всенощное бдѣніе всеторжественно отпраздновано было, — съ благословеніемъ хлѣбовъ и величаніемъ. Братство Нью-Йоркское въ парадной формѣ, со свѣчами въ рукахъ на литіи и поліелеѣ со-

боръ освященный обстояло, ликъ всерадостно воспѣвалъ... Помнили мы, что въ это время на родинѣ уже утренняя заря Русскую землю освѣтила, звонъ торжественный по селамъ, по городамъ разносился, въ храмы Божіи людѣ въ милліонахъ душъ устремлялся...

А когда на утро и къ намъ — въ далекую Америку — «русскій день» пришелъ, въ церкви Божіей — новый свѣтъ и радость, благодѣіе великое. Всѣ три іерарха Церкви Американской совершали богослуженія! На молебствіи колѣнопреклонно молитву выслушали нарочитую, Царю Небесному о земномъ Царѣ помолились, хвалу Господу воспѣли и русское многолѣтіе землю американскую мощно огласило...

Послѣ службы въ покояхъ Высокопреосвященнѣйшаго Владыки состоялся пріемъ, и затѣмъ радушнымъ Архипастыремъ-Хозяиномъ хлѣбъ-соль русскіе были гостямъ предложены. Приглашены были чины Генеральнаго ИМПЕРАТОРСКАГО Консульства, во главѣ съ барономъ г. Корфомъ, который возгласилъ первую зравицу Государю ИМПЕРАТОРУ. Гости воодушевленно пропѣли русскій гимнъ и «ура» своему Государю возлюбленному. Высокопреосвящ. Владыка въ яркомъ словѣ выразилъ то, что русская благородная душа въ эти дни Государю своему въ даръ несла. Въ выпуклыхъ чертахъ вырисовалась во весь свой богатырскій ростъ — ликующая Россія, сплотившаяся — вотъ уже триста лѣтъ — вокругъ ея избраннаго и Богомъ вѣнчаннаго Дома Романовыхъ. Этотъ Родъ — плоть отъ плоти и кость отъ кости русскаго народа. Въ этой природѣ — фундаментъ того величія, коимъ сіяетъ Русь нынѣ и какое достигнуто ею подъ мудрымъ правленіемъ ея Вѣнценосныхъ Вождей... Благороднѣйшіе Цари — и благороднѣйшій народъ!.. Всегда русскій Царь былъ во-едино съ своимъ народомъ. Въ этой связи — оплотъ процвѣтанія Россіи, развитія богатыхъ неисчислимыхъ силъ духа русскаго... Триста лѣтъ

Домъ Романовыхъ.

1613—1913.

прошли — и рядъ дорогихъ русскому сердцу Царственныхъ именъ записанъ золотыми письменами въ лѣтописи русской исторіи и неизгладимо начертанъ въ русскихъ благодарныхъ сердцахъ... Тишайшій, Великій, Благословенный, Освободитель, Миротворецъ... И какъ солнце ясное — славный сынъ славныхъ предковъ — нынѣ Царствующій Государь Императоръ. Благородствомъ исполнена его Царственная душа. Благородными дѣяніями прославлено его царствованіе. Подъ скипетромъ этого Благороднѣйшаго изъ русскихъ Государей твердой поступью къ прогрессу въ его лучшемъ смыслѣ идетъ наша родная земля... Туда, на праздникъ родной земли, стремится нынѣ наша любящая Государя душа; туда посылаемъ мы свой единоклубный, горячій, русскій вѣрно-подданный привѣтъ своему родному и Царю, Его Сыну — русскаго народа Надеждѣ-Цесаревичу, всей семьѣ Его Государственной и всему Роду Его Царскому: Многая лѣта! Да — силой любви нашей — многолѣтіе наше это побѣдитъ пространства далекія и донесется до Трона Государева вмѣстѣ съ мощнымъ привѣтомъ всей столѣтидесятимилліонной Руси, чествующей своего возлюбленнаго русскаго Царя!.. Многая лѣта!

Краснорѣчиво, прочувствованно откликнулся на это праздничное настроеніе и вѣрный другъ Россіи, русскій по духу, хотя и сиріецъ по крови, Преосвященнѣйшій Владыка Рафаилъ. Изящная рѣчь его тронула до глубины души всѣхъ присутствовавшихъ...

Это былъ русскій день. Подъ кровлей Владычней чувствовали себя всѣ по русски, уютно. И Праздникъ русскій національный переживался по достойному.

По русски день этотъ и закончился. Прогитировавшійся литературно-музыкально-вокальный вечеръ, посвященный юбилейному торжеству, всѣ расходы по устройству ко-его Владыка взялъ на себя, разросся въ огромное патріотическое собраніе. Большой

залъ кафедральнаго дома задолго до назначеннаго времени переполнился русскими гостями. Энтузіазмъ, воодушевленіе не поддавались описанію. Сидѣть удалось только немногимъ, а сотни людей стояли въ залѣ, и въ коридорахъ, и въ прилегающихъ комнатахъ. Хоть ничего и не увидѣть, да хоть краемъ ушка послушать...

И было что послушать.

У портретовъ Государя, Государыни, Государя Наслѣдника и Царя Михаила Теодоровича, разукрашенныхъ гирляндами электрическихъ лампочекъ, утопающихъ въ зелени и цвѣтахъ, стояла въ своихъ парадныхъ кунтушахъ наша знаменитая теперь въ Америкѣ Архіерейская капелла и семинаристы-исполнители. При входѣ въ залъ Высокопреначать программу. Пламенною рѣчью Преосвященнѣйшихъ Александра и Рафаила пропѣли молитву «Царю Небесный», и затѣмъ, по «Ис полла эти деспота», Высокопреосвященнѣйшій Владыка благословилъ начать программу. Пламенною рѣчью Преосвященнаго Александра сразу было возгрѣто патріотическое чувство русскихъ людей. — съ особенною любовью ораторъ остановился на свѣтлой личности Государя-Освободителя. даровавшего столько радости русской землѣ раскрѣпощеніемъ крестьянъ... Затѣмъ послѣдовательно, соупутствуясь, предваряясь и послѣдствуясь громкими рукоплесканіями, пропѣты были въ перемежку кафедральнымъ хоромъ и семинаристами, весь день этотъ проведенными въ гостяхъ у Архипастыря, русскій національный гимнъ, нарочито написанныя на сей праздникъ кантаты, аріи пѣзъ «Жизнь за Царя»... Семинаристы декламировали патріотическія стихотворенія, говорили рѣчи добросовѣстнаго показали искусство въ исполненіи нѣкоторыхъ музыкальныхъ вещей на рояли и скрипкахъ... Преподаватель Семинаріи, священникъ С. Г. Снѣгиревъ, прочелъ содержательный рефератъ — обзорѣніе главныхъ событій въ царствованіе Романовыхъ; Ректоръ Семинаріи, протоіерей

Л. І. Туркевичъ, съ большимъ чувствомъ продекламировалъ свое стихотвореніе «Царь и народъ»; Архидіаконъ Всеволодъ возгласилъ — достойнымъ сего торжественнаго дня гласомъ приличествующія сему дню многолѣтія, снова гимнъ, и еще гимнъ, — и заключительное — вѣнчающее всю программу, хотя въ ней и не обѣщанное, слово Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря заокеанской Руси Владыки Платона, какъ трогательный запечатлѣвшійся въ душѣ слушателей аккордъ къ чудной патріотической симфоніи этого вечера, симфоніи чувствъ патріотическихъ, національных, любви къ Роду Царскому, къ Государю нашему, ко всей родинѣ нашей...

Три часа съ лишнимъ пролетѣли незамѣтно... И еще долго стояли бы всѣ и слушали! Вотъ ужъ истинно гдѣ сказать можно было — «въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ!»

«Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады», — простился Архипастырь съ благодарившими его безъ безъ конца гостями... Это ли не богатство?

Это ли не счастье?! Это — цѣлостное русское чувство, этотъ праздникъ патріотическій, эта сплоченность русской семьи въ русскомъ домѣ въ Русскій день?!...

Расходился русскій людъ по своимъ домамъ, освѣживъ свою душу... Короткій ночной отдыхъ, а завтра опять — за рабочіе станки, подъ землю, въ огонь, въ воду... Но въ душѣ живутъ радостные, — словно далекій радостный звонъ сорока-сороковъ Моисеевыхъ, — отзвуки сейчасъ слышанной, давно Русь согревающей пѣсни:

«Славься, славься, нашъ Русскій Царь,
«Господомъ данный намъ Царь-Государь!
«Да будетъ безсмертенъ Твой Царскій
Родъ,—

«Да имъ благоденствуетъ Русскій народъ!»

И глубокимъ сыновнимъ поклономъ благодарить Русь Американская своего патріота-Архипастыря за этотъ чудный, несравненный праздникъ.
А. Х.

МОЛИТВА.

Православная церковь Россійскія на 21-й день февруарія 7421 года.

Крѣпость даая Царемъ нашимъ Господи и рогъ помазанныхъ Твоихъ возносяй! Ты отъ лѣтъ древнихъ отцы наша божественною истиною просвѣтивъ, державу равноапостольнаго князя ихъ Владиміра утвердилъ еси, и чрезъ семь сотъ лѣтъ скиптръ языка Россійскаго въ родѣ святаго Угодника Твоего хранилъ еси. Скончавшюся же того благочестивому роду и еще дванадцатымъ лѣтомъ преемникомъ, землю Россійскую грѣхъ ради отецъ нашихъ въ руки враговъ нашихъ предалъ еси и великому опустошенію и смущенію въ ней быти попустилъ еси, дондеже вси людие, покаяніе о грѣсѣхъ своихъ принесше и Твою всесильную помощь призвавше, гласа же преподобныхъ старцевъ отъ обители Сергіе-

вы послушающе, на враги своя мужески ополчишася и отъ Царствующаго града тыя изгнаша: по сихъ же, со усерднымъ моленіемъ совѣтъ сотворше, благороднѣйшій родъ бояръ Романовыхъ надъ Россійскою землею царствовать умолиша, вѣдяще Родъ сей благочестіемъ вся превозшедшъ и чиномъ иноческимъ, святительскимъ же саномъ старѣйшій въ Себѣ украсившъ. Сему убо роду Царей нашихъ на престолѣ царствія вознесену бывшу, абіе умножися Твое, Господи, къ земли нашей благословеніе, и утвердися людией языка нашего единомысліе, врази же его первѣе убо боязливи и бѣжателие явишася, потомъ же конечнѣе подъ нозѣ Царей нашихъ покоряшася, злыхъ же Царство, аки рѣчное

разлитіе, по вселеннѣй расширися и, якоже древо благосѣннолиственное, многая племена подѣ сѣнь свою покрывати навывче. Еще же и вся православныя христіаны, во всемъ мірѣ живущыя, милостію и защищеніемъ Царей нашихъ повсюду соблюдаше. Днесъ убо мы, церкви православно-россійскія чада, триехъ сотѣ лѣтъ Рода сего на престолѣ Россійстѣмъ пребываніе достигше и Твоя, Царю вѣковъ, безчисленныя щедроты о Царехъ нашихъ, и тѣмъ о всѣхъ насъ, бывшыя помышляюще, благодарнѣ исповѣдуемъ, яко не по беззаконіемъ нашимъ творилъ еси съ нами Господи, но милостію и благоволеніемъ Твоимъ царство Россійское хранилъ еси, оправдавъ надъ нами царствовать благочестивыя Цари наша, Тебе единого бояшися, люди же державѣ ихъ врученныя милующыя. Прими убо, Господи, наше о нихъ смиренное благодареніе, и усопшымъ отъ сего Рода Царскаго оставленіе грѣховъ и вѣчное упокоеніе даруй, живущыя же днесъ благослови и ко исполненію

заповѣдей Твоихъ настави, таже и въ далайшая лѣта сыны и сыны сыновъ ихъ на престолѣ царства Россійскаго самодержавны утверди, и даже до втораго и страшнаго Твоего пришествія другъ другу пріимательны и благоденствующа сохрани. Даруй же и всѣмъ намъ подѣ тѣхъ крестоноснымъ скиптромъ миръ и тишину и во благочестіи и мудрости преспеяніе: благія во благодати сохрани, лукавыя же блага сотвори, царство наше отъ злыхъ супостатовъ ограда, и всѣхъ людей Россійскихъ сердца любовію ко Отечеству и Царемъ Своимъ озари, памятованіемъ же небеснаго нашего Отечества просвѣти, да и вси мы, днесъ со благочестивымъ Царемъ нашимъ щедроты Твоя прославляюще, тѣхъ память во вѣки хранить будемъ и тако единѣмъ усты и единѣмъ сердцемъ достойная словеса возносити величеству Твоему не перестанемъ, глаголюще: слава Тебѣ Богу, Благодателю нашему, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЦАРЬ И НАРОДЪ

Патріотическая рѣчь прот. Л. Туркевича,

прочтенная на празднично-юбилейномъ собраніи 21 февраля въ Кафедральномъ Нью-Йоркскомъ Домѣ.

Въ ряду завѣтныхъ словъ народа,
Отъ коихъ жизнь течетъ изстари,
Не—«братство, равенство, свобода»—
А — Православье, Русь и Царь.
Святыми чтутся между нами.

«Страна безъ князя — сирота» —
Сложили старыми вѣками
Народа вѣщія уста.
«Что солнце въ небѣ—Царь въ народѣ»—
Намъ дѣды-прадѣды рекли,
И думой той изъ года въ годы
Текли судьбы родной земли.
«Богъ правду вѣдаетъ, но прежде

Царю земному говорить» —
Вотъ о какой святой надеждѣ
Народъ предъ міромъ всѣмъ твердитъ.

Случится ль радость у народа,
Придетъ ли скорбь, — онъ, весь горя, —
И въ томъ видна его природа! —
Слагаетъ все къ ногамъ Царя.
Въ Царѣ всѣ лучшіе завѣты
Народъ нашъ смѣло положилъ,
И дивной вѣрности обѣты
Вотъ триста лѣтъ, какъ сохранилъ.

«Нашъ Царь — то Солнышко родное»
«Царь всѣмъ намъ — Батюшка-Отецъ»—

И сладко бьется ретивое,
 Когда Онъ — сердце всѣхъ сердецъ —
 На насъ посмотритъ, улыбнется
 И словомъ ласки подаритъ;
 Но нѣтъ тяжелѣй, какъ проснется
 Въ Немъ Царскій гнѣвъ и насъ смутитъ.

Съ любовью нѣжною, какъ дѣти,
 Народъ о Батюшкѣ-Царѣ
 Твердитъ: «На многи Тебѣ лѣта
 Дай Богъ пожить».

Въ иной порѣ,
 Когда Господь пошлетъ стѣсненье
 Отъ недорода, войнъ, заразы, —
 О Немъ гнететъ насъ помышление
 И говоримъ мы безъ прикрасъ:
 «А какъ-то Батюшкѣ тяженько».
 Тогда мы вѣримъ всей душой,
 Что и о насъ Онъ, нашъ родненькой,
 Скорбитъ и молится порой.

Какъ неба сводъ, съ его красою,
 Съ лучами солнца, звѣздъ, луны,
 Весь отраженъ живой росой
 И въ ней огни какъ жаръ видны:
 Такъ Царскій родъ едино съ нами
 Его печали намъ въ печаль,
 А радость бурными волнами
 Перелетитъ отчизны даль.
 Такъ шумъ по вѣтру раздается,
 Такъ колокольный чистый звонъ
 Въ душѣ молящихъ отдается
 И сердцу каждого милъ онъ.

Любовь къ Царю живетъ издавна
 У насъ, и ею мы полны,
 Доколѣ Русь вся православна,
 Доколѣ мы Ея сыны.
 И потому народъ крешеный
 Не хочетъ знать грѣховъ Царя:
 Онъ молитъ Бога, чтобъ спасенный
 Былъ Царь, — хранитель алтаря
 Царя царей, земли и неба,
 Чей образъ Царь несетъ въ себѣ,
 Кто намъ дороже жизни, хлѣба,
 О Комъ первѣе всѣхъ въ мольбѣ
 Мы вспоминаемъ добровольно.
 Надеждъ отраднѣйшихъ зерно,
 Средь суеты мірской, юдолиной,

Нашъ Царь — то сладкое звено
 Людямъ разсѣяннымъ и дальнымъ,
 Онъ — кара злобѣ, клеветѣ,
 Благословеніе печальнымъ,
 Вѣнецъ народной добротѣ.

Не вѣрить людъ Руси широкой,
 Чтобъ худа Царь желалъ кому,
 И говорить въ тоскѣ глубокѣй:
 «Не дали правды знать Ему».
 Для чуткой совѣсти народной
 Царь — правды цѣлостный гранитъ,
 И въ чувствѣ нужды безысходной
 Народъ къ Царю на судъ спѣшитъ.
 И какъ ни палъ бы въ преступленье
 Руси великой слабый сынъ,
 Но и въ тяжеломъ заключенъ
 Надежда — Царь ему одинъ.

Хотя средь роя слугъ Царевыхъ
 Къ народу Царь не близокъ есть,
 Но для Царя готовъ и новыхъ
 Народъ принять на службу въ честь.
 Мечта народа — единенье
 Съ своимъ Царемъ, чтобы привлечь —
 На Руси крѣпкое строенье —
 Народа знанье, умъ и рѣчь,
 Чтобъ всякій пласть земли обильной,
 Свое служеніе творя,
 Въ работѣ дружной и посильной
 Осуществлялъ наказъ Царя...

Когда, ломя чужую силу,
 Что нашей родинѣ грозитъ,
 Народъ на вѣрную могилу
 По зову Царскому спѣшитъ,
 Онъ во святомъ одушевленъ
 Готовъ идти на край небесъ
 И совершить на удивленье
 Геройства чудо изъ чудесъ.
 Тогда онъ жизнь за Русь родную
 Отдастъ съ молитвой, не коря,
 За Церковь прадѣдовъ святую

И за родимаго Царя.

Онъ, покоря грады, веси, —
 Во имя Царское идетъ,
 Самъ чуждый бранной гордой спѣси —
 Онъ знамя Царское блюдетъ...

«Ученыхъ» много заблудся

Толкуютъ правду вкривь и вкосъ,
 Но какъ бы жить намъ ни далось, —
 Не быть тому, чтобъ извелось
 Святое Царственное племя
 И чтобъ Помазанникъ угасъ.
 Мы твердо помнимъ злое время,
 Какъ Царскій родъ престалъ у насъ,
 Какъ появились лиходѣи
 И, обнаруживъ звѣрскій нравъ,
 Предали Русь врагамъ, злодѣи.
 Унизивъ, обнаживъ, поправъ.
 Тогда одно лишь только знамя
 Спасти намъ Родину могло,
 Зажечь въ груди народной пламя, —
 И знамя это — «Царь» было.

Прошли вѣка, но то же слово
 Народа сердце веселить,
 Лозунгомъ стать всегда готово
 И раздѣленныхъ единить.
 И если есть кто врагъ Россіи, —
 Людьюми и Богомъ проклять онъ! —
 Такъ это тотъ, кто дерзко съ выи
 Скидаетъ царственный законъ
 И, забывая волю Божью
 И судъ и братскую любовь,
 Устами, дышащими ложью,
 Зоветь пролить Цареву кровь...
 Тотъ, потерявши свѣтъ сознанья,
 Въ безумной ярости дрожа,
 Въ свою же грудь въ припадкѣ манья
 Вонзаеъ лезвіе ножа...

Нѣтъ большей скорби для народа,
 Какъ смерть любимаго Царя...
 Въ Царѣ всѣмъ равенство, свобода
 И братства вѣрнаго заря.
 Въ Немъ намъ опора къ просвѣщенью,
 Въ Немъ и конецъ сомнѣній всѣхъ,
 Царь — искра намъ ко вдохновенью,
 Начало мирное утѣхъ.
 Мольбой о Немъ народы живы,
 Подвижны, бодры и легки.
 Проходятъ горы, рѣки, нивы
 Россіи славные полки.
 Все возрастая годъ отъ года
 Въ познаньяхъ, силахъ и трудѣ,
 Могучъ духъ русскаго народа.

Великъ и славенъ онъ вездѣ.
 Но если спросятъ, чѣмъ богата
 Россія нынѣ, какъ и встарь, —
 Я не скажу: горами злата,
 Но тѣмъ, что править Ею Царь.

Въ народѣ вѣрятъ: будетъ время,
 Царь по лицу Руси пройдетъ,
 Узнаетъ жизни скорбь и бремя,
 Порядокъ свѣтлый заведетъ.
 Обманъ раскроется лукавый,
 Слеза отрется сироты,
 Судъ выйдетъ милостивъ и правый,
 Печать исчезнетъ нищеты.
 Тогда весь міръ о насъ узнаетъ,
 Что на Руси святой алтарь
 Любви и правды воздвигаетъ
 Самодержавный Русскій Царь.

Внемли, о Господи, моленью!
 Спаси, о Господи, Царя,
 По Твоему благоволенью
 Ему и намъ благотворя!

Предъ кроткимъ ликомъ НИКОЛАЯ
 Стою въ восторгѣ и горжусь:
 Рука Всевышняго Благая
 При Немъ хранила нашу Русь.
 Протекъ Царь Родину святую
 Съ востока въ западъ, съ верь, югъ,
 Узналъ Ее и мысль благую
 Осуществилъ, цѣля недугъ.
 Желѣзомъ кованымъ границы
 Соединилъ Онъ въ Ней въ одно,
 Въ родной избѣ во всѣ свѣтлицы
 Поставилъ новое окно.
 Завѣты предковъ выполняя,
 Неутомимъ и въ день и въ ночь,
 Успѣлъ, отчизну защищая,
 Не разъ врага Онъ превозмочь.

Съ народомъ былъ въ богомоленіи,
 Былъ въ сборахъ тягостныхъ къ войнѣ,
 Страдалъ, когда въ изнеможеніи
 Упалъ оплотъ родной странѣ...
 То были страшныя години:
 Изъ края въ край родная Русь
 Затрепетала отъ кручины.
 Но Царь промолвилъ: «не боюсь!»
 Есть сила въ насъ для обновленія.

Святою ревностью горя,
Пусть на чредѣ добру служенья
Сплотится Русь вокругъ Царя.
Пусть будутъ лучшими сынами
Коваться правила страны,
И будетъ Царь въ трудѣ межъ вами
И будутъ всѣ уравнены».

Года проходятъ. Жизни новой
Велѣньемъ благодѣльнымъ Царя
Восходитъ родинѣ заново

Тысячелѣтія заря.
И передъ вѣщими очами —
Россія — мощный исполинъ,
Царь править вѣрными сынами,
А надъ Царемъ — Господь одинъ!
Красуйся, Вождь земли родимой!
Красуйся въ будущемъ, какъ встарь:
Съ Тобой народъ, Тобой водимый,
Боговѣнчанный Государь!

РѢЧЬ

Преосвященнаго РАФАИЛА, Епископа Бруклинскаго,

на день 21-го Февраля (6-го Марта), 1913, — день празднованія 300-лѣтія воцаренія Дома Романовыхъ.

Всякій, кто и мало-мальски знакомъ съ исторіей Россійскаго народа, не можетъ не оцѣнить тѣхъ великихъ благодѣяній, которыя принесъ Богомъ благословенный царскій Домъ Романовыхъ всѣмъ православнымъ народамъ Востока и особенно самому русскому народу, который, русскій народъ, до воцаренія Дома Романовыхъ умаленный, униженный и изнуренный не только внутренними раздорами и неурядицами, но и внѣшними сильными завоевателями и лютыми врагами — шведами съ сѣвера, поляками съ запада, татарами и турками съ востока и юга, — теперь, по воцареніи благословеннаго Дома Романовыхъ, вскорѣ одушевился, собралъ свои силы и сталъ расширять предѣлы своего отечества и своихъ владѣній въ Европѣ и Азіи до такихъ громаднхъ размѣровъ, что Россія стала считаться первою великою державою въ всемъ мірѣ.

И вотъ, всѣ взоры и надежды всѣхъ православныхъ народовъ, даже русскихъ, которые прежде, т. е. до окончательнаго паденія Византійской имперіи, были всегда обращены къ византійскимъ императорамъ, какъ къ защитникамъ и покровителямъ православной вѣры и Церкви, вскорѣ послѣ паденія

послѣдняго города изъ Византійской имперіи, то есть, Константинополя, въ руки турецкихъ магометанъ, стали обращаться къ московскимъ царямъ и русскимъ императорамъ какъ къ единственнымъ все-сильнымъ защитникамъ и покровителямъ православной вѣры и православной Церкви на всемъ земномъ шарѣ. И ихъ надежды эти не только не остались тщетными, но и вполне оправдались. Ибо все болѣе и болѣе развивающаяся и подкрѣпляющаяся подъ славнымъ водительствомъ Дома Романовыхъ православная Русь, не щадя никакихъ матеріальныхъ средствъ, ни даже жизни своихъ славныхъ героевъ-сыновъ, не перестала со времени воцаренія Дома Романовыхъ на Руси при всякомъ удобномъ случаѣ воевать съ иновѣрными поработителями православныхъ народовъ Востока, пока она не освободила ихъ почти всѣхъ и не создала изъ нихъ цѣлыхъ пять новыхъ независимыхъ государствъ — греческое, румынское, болгарское, сербское и черногорское.

Кромѣ этого, православная Русь и особенно ея старая столица, Москва, послѣ паденія послѣдней крѣпости православнаго Востока, Константинополя, сдѣлалась, такъ сказать,

православной святыней для всѣхъ попавшихъ подъ турецко-мусульманское иго православныхъ народовъ, коихъ духовные представители — архимандриты, епископы, архіепископы, митрополиты, даже патріархи Константинопольскіе, Александрійскіе, Антіохійскіе и Іерусалимскіе, стали тогда часто стекаться въ новую столицу православнаго міра, Москву, чтобы здѣсь у благочестивыхъ русскихъ царей исходатайствовать разныя милости своимъ народамъ и церквамъ, безпощадно угнетеннымъ и разореннымъ турецкими властями и могомеданскими племенами. И царскія милости русскихъ царей и особенно изъ Дома Романовыхъ такъ щедро лились и не перестаютъ и по нынѣ литься на православный Востокъ, что, благодаря имъ, этотъ православный Востокъ, не смотря съ одной стороны на многовѣковый и тяжелый иновѣрный гнетъ, а съ другой — на пропагандистскія интриги сильныхъ и богатыхъ тогда и теперь западныхъ миссіонеровъ — р.-католическихъ и протестантскихъ, — остался и по нынѣ всетаки остается православнымъ.

Вотъ почему всѣ православные народы Востока вообще, и сиро-арабскій въ особенности, не то что любятъ, но просто обожаютъ Россію, русскихъ и русскаго Царя, на Котораго смотрятъ какъ на своего защитника, своего цокровителя, своего благодѣтеля и спасителя.

И вотъ почему, когда благодарная Россія порѣшила праздновать день 300-лѣтія воцаренія

Богомъ благословеннаго Дома Романовыхъ, то поспѣшилъ блаженный Григорій, патріархъ Антіохійскій, покинуть свою церковь, не смотря на окружающія ее въ настоящее время тяжелыя бѣды, и отправиться въ Россію къ дню упомянутаго праздника 300-лѣтія воцаренія Дома Романовыхъ, чтобы лично засвидѣтельствовать благочестивѣйшему Государю Императору Всероссійскому, этому достославному представителю благословеннаго Дома Романовыхъ, и всему благородному русскому народу, свои и своего народа, сиро-арабскаго, чувства глубочайшей благодарности и признательности.

А такъ какъ немалое число этого преданнаго Россіи православнаго сиро-арабскаго народа, процвѣтаетъ здѣсь въ предѣлахъ Сѣверо-Американской русской епархіи, то я, недостойный, поставленный благословеніемъ св. Всероссійскаго Синода и благоволеніемъ благополучно нынѣ царствующаго благочестивѣйшаго Государя Императора Всероссійскаго, Николая Александровича, архипастыремъ православныхъ сиро-арабовъ въ С. Америкѣ, считаю своимъ священнымъ долгомъ въ сей день празднованія 300-лѣтія воцаренія Богохранимаго Дома Романовыхъ вознести отъ себя и отъ лица моей паствы наши горячія молитвы въ Всевышнему Богу. Царю царей. дабы Онъ сохранилъ въ неувядаемой славѣ славно царствующій въ православной Россіи достославный Домъ Романовыхъ въ роды родовъ до скончанія міра.

Юбилейный храмъ.

Историческій очеркъ 300-лѣтней эпохи царствованія дома Романовыхъ и предшествующей эпохи смутнаго времени.

The calling of the Romanoffs, a Historical sketch.

By Reverend Sergius Snegireff.

21 февр. 1913 г. великій, знаменательный и историческій день въ исторіи Русскаго Государства.

Ровно 300 л. тому назадъ въ этотъ день 21 февр. 1613 г. въ недѣлю Православія въ Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ — въ домѣ Пречистыя Богородицы — совершилось избраніе на царство русскаго боярина Михаила Ѳеодоровича Романова. Не вдругъ и не сразу случилось это великое дѣло. Давно существуетъ «Русь Святая», «Русь Крещеная», всякія бѣды и горя бывали на Руси, но того, что было предъ этимъ великимъ историческимъ событіемъ на Руси, еще не бывало.

1598 г. 7 Января скончался царь Ѳеодоръ Іоанновичъ — сынъ Іоанна Грознаго, не оставивъ послѣ себя наслѣдника престола. Народъ присягнулъ вдовѣ покойнаго государя царицѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ, но она удалась въ Новодѣвичій монастырь и приняла иночество. Наступаетъ въ русскомъ государствѣ тяжелая 15-лѣтняя эпоха смутнаго времени. Избрали въ цари брата царицы — Бориса Ѳеодоровича Годунова, который еще и при покойномъ царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ принималъ большое и близкое участіе въ дѣлахъ государственныхъ. Но одно событіе тяжелымъ камнемъ лежало на новомъ Царѣ — это смерть Цесаревича Димитрія, — брата царя Ѳеодоровича Іоанновича.

Еще въ первой половинѣ XIV в. при Іоаннѣ Калитѣ является новый, пришлый боярский родъ Романовыхъ, который подъ име-

*) Произнесено было (въ сокращенномъ видѣ) 21 февраля 1913 г. на патристическомъ вечерѣ въ память 300-лѣтняго юбилея Дома Романовыхъ въ Нью-Йоркскомъ Кафедральномъ домѣ.

February 21, 1913, is a day full of historical significance for the Russian Empire. Exactly three hundred years ago, that is 21 February, 1913, a Russian nobleman, Michail Feodorovich Romanoff was elected the monarch of Russia, his coronation taking place in Moscow in the Ouspensky Cathedral, named in memory of the Assumption of the Most Pure Virgin Mother of God.

This great event did not happen of itself or all of a sudden. Before that, Holy Russia, Christian Russia had a long period of calamity and sorrow but none could equal the suffering of the few years immediately preceding this great event.

Some 15 years before this (Jan. 7, 1598), the Tsar Feodor, son of Ivan the Terrible, had died leaving no heirs. The nation took the oath of loyalty to his widow Irena Feodorovna, but immediately on his death she retired to a nunnery and took the monastic vow. After this, there followed fifteen years of turmoil and suffering for Russia, the Era of Unrest.

The brother of the widowed Tsaritsa, Boris Feodorovich Godounoff, was elected to occupy the throne. Already under the late Tsar Feodor, this man had taken an intimate and important part in the affairs of state.

The conscience of the new Tsar was burdened with a terrible crime committed in the past, the assassination of the little Tsarevich Dmitri, brother of the late Tsar Feodor and

*) Read in the New York Consistory on the occasion of a patriotic entertainment, February 21, 1913.

немъ бояръ Кошкиныхъ, Захарьиныхъ-Юрь-
иныхъ является близкимъ ко двору царскому,
а дочь околыничаго и воеводы Романа Юрье-
вича Захарина Кошкина Анастасія Рома-
новна была выбрана Іоанномъ Грознымъ въ
супруги. Теперь родъ бояръ Романовыхъ уже
близокъ къ царю. Братъ супруги Іоанна
Грознаго Анастасіи Романовны Никита Ро-
мановичъ былъ близокъ къ Грозному, явля-
ся ходатаемъ предъ нимъ за опальныхъ, и
народъ любилъ этого боярина. Его сынъ
Ѳеодоръ Никитичъ, какъ двоюродный братъ
сына Грознаго царя Ѳеодора Іоанновича —
также пользуется большимъ вліяніемъ при
царѣ, тѣмъ болѣе, что Ѳеодоръ Никитичъ, об-
ладавшій отъ природы выдающимся умомъ,
развилъ и обогатилъ его образованіемъ отъ
проживавшихъ въ Россіи иностранцевъ. Онъ
былъ назначенъ намѣстникомъ въ Нижній-
Новгородъ, былъ членомъ Государевой Думы.
Преданіе говорить, что ему даже желалъ це-
редать царскій престолъ, умиравшій бездѣт-
нымъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ.

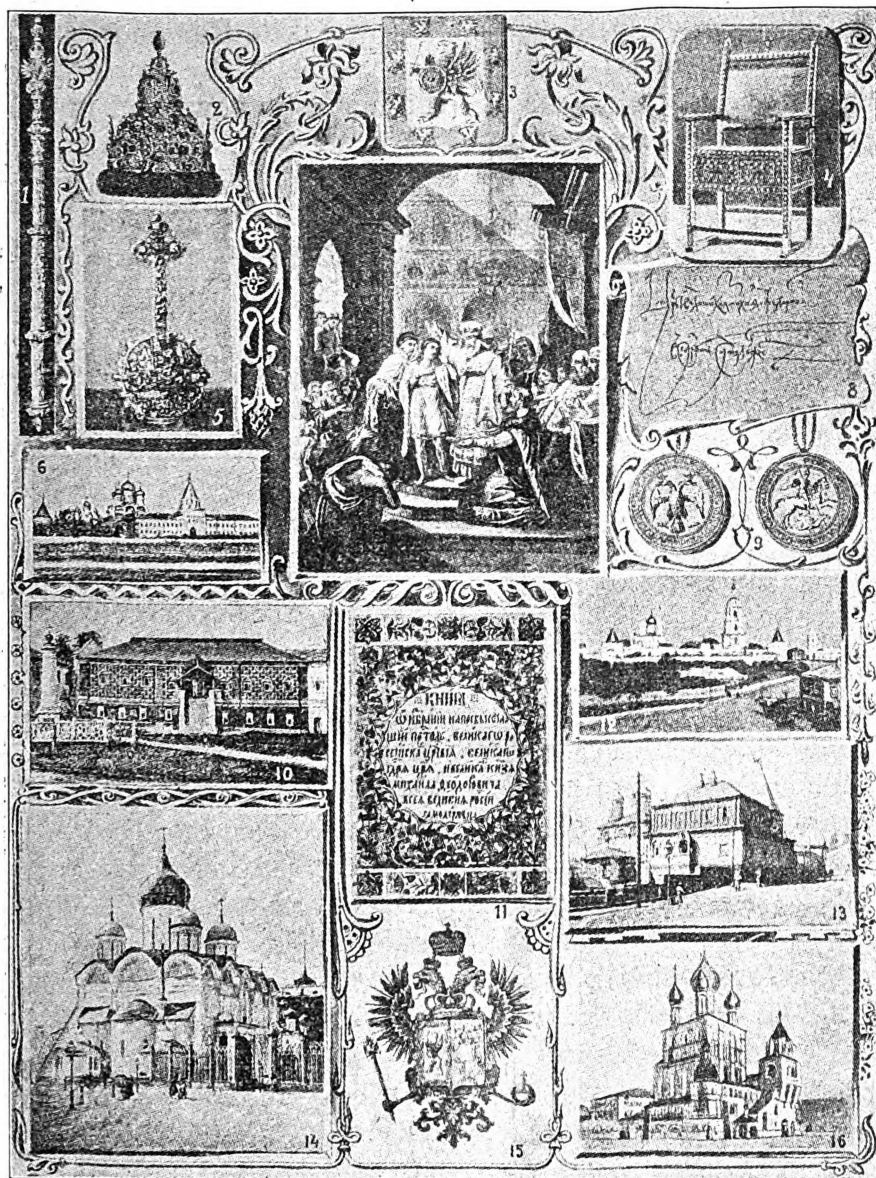
Понятно, какъ легко могло возникнуть по-
дозрѣніе у Бориса Годунова противъ бояръ
Романовыхъ, какъ претендентовъ на царскую
корону. И, потерявшій розсудительность и
спокойствіе, подозрительный царь Борисъ Го-
дуновъ подвергаетъ всѣхъ пять сыновей Ни-
киты Романовича незаслуженной опалѣ, го-
неніямъ и даже заточеніемъ. Но этими неза-
служенными гоненіями родъ бояръ Романо-
выхъ не уничтожился въ народномъ сознаніи,
а наоборотъ, еще болѣе возвышается, даже
украшается вѣнцомъ мученичества. Ѳеодоръ
Никитичъ былъ насильно по-
стриженъ въ Сійскомъ монастырѣ Арханг. г.
въ монахи съ именемъ Филарета, его жена
Ксенія Ивановна также пострижена была въ
инокини съ именемъ Мароы, а ихъ сынъ —
Михаилъ Ѳеодоровичъ — будущій Москов-
скій царь, родившійся 12 іюля 1596 г., былъ
посланъ на Бѣлое Озеро вмѣстѣ съ
сестрой и теткой Анастасіей Никитичной.
Это тяжелое дѣтство безъ ласкъ матерни-

his heir. This and the many calamities
which followed, had a ruinous effect on this
gifted man: he became moody, suspicious
and cruel. Leading noblemen of the country
were persecuted and exiled.

As long ago as the first half of the XIVth
century, under the Tsar Ivan Kalita, there
appears a family of noble birth, whose
origin can be traced to the common Roman-
off ancestry, and who in the persons of vari-
ous Koshkine, Zaharyine and Iuryine stood
near to the court of the Tsars. A daughter
of one of them, Anastasia Romanovna
Koshkina, was chosen by Ivan the Terrible
to be his bride. A brother of this lady, Nikita
Romanovich, was a personal friend of the
cruel Tsar, and on many occasions his inter-
cession for those in disgrace before the Tsar
had helped them in their cruel fate. And
this won for this nobleman the sincere love
of the people. His son, Feodor Nikitich, was
first cousin to Tsar Feodor, son of Ivan the
Terrible, and, like his father before him,
had a good influence on the monarch; only
the more because, being naturally gifted
with a bright intellect, Feodor Nikitich had
broadened and refined it by contact with
educated foreigners who at that time lived
in Russia. As the Tsar's representative, he
governed the important province of Nijni
Novgorod and was a member of the Tsar's
council. There is even some indication that,
when Tsar Feodor was dying childless and
heirless it was the intention of that unfor-
tunate monarch to leave his throne to his
cousin and friend Feodor Nikitich Roman-
off.

Hence it is easy to understand that the
suspicions of Tsar Boris Godounoff were
inevitably aroused against all the Roman-
offs. Unreasonable, restless and unhappy in
his suspicious, this monarch subjected to dis-
grace, exile and even imprisonment all the
five sons of Nikita Romanovich.

Yet in spite of all this undeserved per-

Скипетръ (1), царскій вѣнецъ (2), тронъ (4), держава (5) и печать (9) Михаила Ѳеодоровича Романова. Гербъ рода (3). Избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича (7). Подпись его (8). Ипатьевскій монастырь (6) и Романовскія палаты еѣ немъ, гдѣ жилъ и принялъ царскую корону Михаилъ Ѳеодоровичъ (10). Заглавный листъ рукописи XVII в. объ избраніи на царск. престолъ Михаила Ѳеодоровича (11). Новоспасскій монастырь въ Москвѣ — усыпальница пердковъ Романовыхъ (12) и Архангельскій соборъ — усыпальница первыхъ царей Дома Романовыхъ (14). Домъ бояръ Романовыхъ на ул. Варваркѣ въ Москвѣ (13). Родовой гербъ Государя Императора (15). Проектъ храма въ Петербургѣ въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ (16).

скихъ, безъ родительскаго попеченія наложило на характеръ и всю жизнь будущаго царя особенный отпечатокъ грусти, которымъ отличался Михайль Феодоровичъ.

Царь Борисъ Годуновъ могъ быть теперь спокоенъ, видные бояре Романовы удалены, но бѣда приходитъ откуда не ждемъ ея. Подозрительностью царя воспользовались люди смуты. Появились слухи, что царевичъ Димитрій изъ Углича спасся, а убить тамъ былъ другой, нашелся и подходящий по лѣтамъ челоуѣкъ, котрый, можно сказать, реализировалъ эти слухи и, даже больше, — при поддержкѣ враждебной Польши этотъ мнимый царевичъ Димитрій уже шелъ къ Москвѣ съ Польскими войсками...

Среди этихъ волненій, окончательно потрясенный, царь скончался. 13 апрѣля 1605 г. не стало царя Бориса Годунова.

Но все-таки въ Москвѣ и многихъ городахъ народъ присягнулъ новому Государю — сыну Бориса Годунова — Феодору Борисовичу Годунову.

Грамоты самозванца, полныя ласкъ и обѣщаній уже наводняли Москву, его приверженцы свели съ престола и убили новаго царя Феодора Борисовича Годунова. А народъ простодушно вѣрилъ, что встрѣчаетъ законнаго царя — брата Феодора Иоанновича — царевича Димитрія, спасшагося изъ Углича — сына Грознаго. И 20 июня 1605 г. самозванецъ Лжедимитрій вступилъ въ Москву.

Какъ бы для доказательства своего родства съ прежнимъ царемъ Иоанномъ Грознымъ и его родомъ, самозванецъ вызываетъ изъ заточенія Ивана Никитича Романова и назначаетъ его бояриномъ, а его брата Феодора Никитича — уже архимандрита Филарета — назначаетъ Ростовскимъ митрополитомъ. — Но явились два сильныхъ противника Самозванца — это митрополитъ Казанскій Гермогенъ, требовавшій, чтобы невѣста Самозванца прекрасная полька Марина Мнишекъ приняла православіе, за что и была выслана изъ Москвы. и другой — это князь Василій

secution the Romanoff family were not banished from the popular consciousness, quite the contrary they were exalted and adorned with the crowns of martyrdom. One of the sons of Nikita Romanovich, Feodor Nikitich was compelled by Boris Godounoff to take the monastic vows and imprisoned in a far off monastery. His wife Xenia was also forced to become a nun under the name of Martha. And their son, the future Tsar of Russia, Michail Feodorovich, born 12 July, 1596, was also banished, with his sister and his aunt.

A joyless childhood deprived of a mother's care and fondling left its trace on the character of Michail Feodorovich, stamping the future Tsar for the rest of his life with melancholy gentleness.

It would seem that having removed from his path the gifted Romanoff, Tsar Boris Godounoff could rest at last. But calamity comes whence it is not expected. The Tsar's inclination to suspicion was used by people who sought to create trouble. Rumour arose that the late little brother of Tsar Feodor, the assassinated boy Dmitri had never been assassinated after all, but was saved by timely flight, another child having been killed in his stead. The rumours were centered around a young man whose age came near to that of the late little Tsarevich. Worse than that: the supposed Tsarevich Dmitri was approaching Moscow reinforced by a great army of Poles, enemies of Russia.

In the midst of all this turmoil, Tsar Boris, whose health was hopelessly shaken, died on April 13, 1605. Yet in Moscow and many other towns, the people remained faithful to him and took the oath of allegiance to his young son Feodor Borisovich Godounoff.

In the meanwhile, Moscow was flooded with edicts and missives from the pretender, which were full of kind promises to those who would recognize him: his partisans de-

Ивановичъ Шуйскій, который вмѣстѣ съ преданными ему боярами успѣлъ возбудить народъ и въ ночь 17 мая 1606 г. произошло возстаніе въ Москвѣ, во время котораго Самозванецъ былъ убитъ.

Провозглашенъ былъ новый царь — виновникъ этого переворота — князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Провозглашенъ и избранъ былъ лишь своей партіей — москвичами, безъ участія другихъ городовъ. Поэтому можно было уже предполагать, что непрочно и непродолжительно будетъ его царствованіе. Съ одной стороны — спѣшность воцаренія безъ земскаго собора и спѣшность коронованія новаго царя, съ другой стороны — его двоедушіе, которое проявилось въ томъ, что онъ, прежде утверждавшій, что царевичъ Дмитрій самъ поранилъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни, теперь, идя за мощами этого царевича, которыя по его приказанію были перенесены изъ Углича въ Москву, винилъ въ убіеніи царевича Бориса Годунова.

Но главная причина непрочности Шуйскаго была въ томъ, что бояре уже слишкомъ привыкли къ своеволю и мятежамъ. Избирая князя В. І. Шуйскаго въ цари, они уже ограничили его власть, они заставили его поклясться, что онъ не будетъ подвергать бояръ казнямъ и опаламъ, «не осудивъ истиннымъ судомъ съ боярами своими».

Дѣйствительно, вскорѣ уже появились слухи, что во время бунта убитъ, будто, не названный царевичъ Дмитрій, который спасся бѣгствомъ, а иноземецъ. Противъ царя Василя Ив. Шуйскаго поднимаются воеводы и города.

Вотъ въ эту то тяжелую годину земли Русской выступаетъ на защиту царя отъ смуты и мятежа первосвятитель — патріархъ Гермогенъ. Своими грамотами онъ успѣлъ убѣдить многихъ стоять и повиноваться царю В. И. Шуйскому. Устроено было въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ всенародное покаяніе 20 февр. 1607 г. народъ обѣщалъ повиноваться.

throned and killed the new Tsar Feodor Godounoff. The simple minded people sincerely believed they were admitting their lawful monarch in the person of the pretender, taking him for the living Dmitri, son of Ivan the Terrible and brother of the gentle Feodor Ivanovich. And on June 20, 1605, the false Tsar Dmitri, first pretender of that name, solemnly entered Moscow.

To demonstrate his kinship with the great late Tsar Ivan the Terrible and his relatives Dmitri freed Ivan Nikitich Romanoff from the prison and made him a member of his council. Feodor Nikitich Romanoff, who at that time was already an archimandrite under his monastic name of Filaret, was sent by the pretender to the city of Rostoff as its Metropolitan.

On all sides the pretender met with submission, yet there arose two powerful adversaries to his might. Hermogen, the metropolitan of Kazan, demanded that Dmitri's bride, a beautiful Polish girl Marina Mnishek, should solemnly join the Orthodox Russian Church; but the energetic hierarch for so doing was banished from Moscow. Prince Vassili Shuysky, the other influential enemy of the false Dmitri I, together with other nobles succeeded in arousing a revolt against him, and on May 17, 1606, the pretender was killed by the mob.

The man proclaimed to be the new Tsar was no other than Vassili Ivanovich Shuysky himself, the originator of the revolt. But he was chosen and proclaimed by the members of his own party in Moscow only, without any of the other cities taking any part. Therefore, it was a foregone conclusion that his reign was insecure and short lived. The more so because he had been guilty of double-dealing and untruthfulness in the whole affair of the assassination and the supposed escape of the little Tsarevich Dmitri, whose death he first denied and then accepted, ac-

многіе раскаялись, но остались и недовольные.

А въ слѣдующемъ 1608 г. въ Польшѣ уже напелся и бродяга, согласившійся выдать себя за спасагося Димитрія. Явился новый самозванецъ Лжедимитрій II, котораго поддерживали и сопровождали большіе польскіе отряды, имѣвшіе наказъ распространять католичество и унию въ Россіи.

Уже близко къ самой Москвѣ подошелъ самозванецъ съ поляками и остановился въ 12 верстахъ подъ Москвой въ с. Тушинѣ.

Патріархъ Гермогенъ сознавалъ всю опасность новой смуты и всѣми силами поддерживалъ царя В. И. Шуйскаго. Его примѣру слѣдовало духовенство и удерживало и убѣждало народъ оставаться вѣрными царю. Въ это время въ Ростовѣ митролитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ — отецъ будущаго государя — мужественно и стойко убѣждалъ жителей кровью своей спасать отечество и съ немногими жителями не покинулъ Ростова, а остался мужественно защищать городъ, но его насильно босого увезли въ Тушино къ Самозванцу. Въ это же время и Троицкая Сергіева Лавра подъ Москвой показала великій подвигъ доблестнаго стоянія за царя и отечество, выдержавъ 11-ти мѣсячную осаду польскихъ войскъ. А смута въ самой Москвѣ уже росла. Явилось среди бояръ много «перелетовъ», т. е. переходили изъ Москвы въ лагерь самозванца въ Тушино, а отсюда обратно, возбуждая лишь мятежи. Отъ патріарха требовали, чтобы онъ присоединился къ мятежнымъ боярамъ для низложенія Шуйскаго, такъ какъ онъ де выбранъ только Москвой, но Гермогенъ отвѣчалъ: «доселѣ ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Тверь, ни Астрахань, ни другіе города Москвѣ не указывали, а Москва всѣмъ имъ указывала, а что кровь льется, то — не вина царя».

А измѣнникамъ боярамъ въ Тушинскій лагерь патріархъ писалъ: «Обращаюсь къ вамъ, бывшимъ православнымъ христіанамъ всякаго чина и возраста, а нынѣ не вѣдаемъ, какъ п

cusing Boris Godounoff, who was no longer there to justify himself.

But the chief cause of the insecurity of prince Shuysky's rule really lay in the fact that the leading people at Moscow had by this time grown accustomed to disorders and revolts. Even when electing Vassili Ivanovich Shuysky to be their Tsar they limited his power by binding him to promise certain prerogatives for themselves.

And indeed very shortly after his election, rumours arose insisting that, during the recent revolt, Dmitri had made another marvelous escape some stranger having been killed by the mob and then mistaken for him. Military chieftains and whole cities arose against the Tsar Vassili Ivanovich.

At this trying period, in order to preserve some peace and order in the Russian land the first hierarch of the Russian church the Patriarch Hermogen once more came into prominence. His edicts succeeded in determining many to stand firm and obey the Tsar Vassili Ivanovich.

About a year later, there appeared in Poland a man who was willing to proclaim himself the same Dmitri who already had had two such marvelous escapes.

The false Dmitri II moved, like his predecessor, towards Moscow, accompanied and supported by large Polish detachments, whose mission was to spread Roman Catholicism or the Unia in Russia. The pretender's horde came close to Moscow, halting a few miles from it in the village of Touthino.

The Patriarch Hermogen was conscious how terribly dangerous any new disorders would be, and upheld the Tsar Vassili Ivanovich Shuysky with all his might. His example was followed by all the clergy.

At the same time, the Metropolitan Filaret Nikitich (Feodor before he was forced to be a monk) courageously remained in Rostoff persuading the few inhabitants, who still lingered in that city, to defend it

назвать васъ: ибо вы отступили отъ Бога, возненавидѣли правду, отпали отъ соборной и Апостольской Церкви, отступили отъ Богомъ и св. елеемъ помазаннаго царя... преступили крестное цѣлованіе и клятву — стоять до смерти за домъ Пречистыя Богородицы и за Московское государство и пристали къ ложному царю вашему. Болитъ душа моя, ноетъ сердце... я плачу и съ рыданіемъ воію: помилуйте, братіе и чада... посмотрите, какъ отечество расхищается и разоряется чужими, какому поруганію предаются св. иконы и церкви, какъ проливается кровь неповинныхъ, воіюющихъ къ Богу... Не свое ли отечество разоряете? Заклинаю васъ именемъ Господа Бога, отстаньте отъ своего начинанія, пока есть время, чтобы не погибнуть вамъ до конца»...

Но и второй самозванецъ былъ тоже только орудіемъ для Поляковъ въ дѣлѣ покоренія Россіи. Въ предѣлы Россіи уже вступалъ самъ польскій король Сигизмундъ III, отозвавшій къ себѣ всѣхъ поляковъ отъ Самозванца для того, чтобы самому лично завоевывать Смоленскъ — передовое укрѣпленіе на пути къ Москвѣ. Вслѣдствіе этого лагерь Самозванца въ Тушинѣ распался и самъ онъ поневолѣ удалился отъ Москвы въ Калугу.

А въ Москвѣ начался новый мятежъ. 17 іюля 1610 г. враги Шуйскаго Ляпуновъ и Хомутовъ созвали народъ и указывали на бѣдствія царствованія Шуйскаго и говорили о необходимости отречься отъ этого царя. Рѣшено было: 1) просить царя Василія Ив. Шуйскаго, ручаясь за жизнь его и семьи, да оставить онъ царство; 2) цѣловать крестъ на вѣрность перкви и государству для истребленія ляховъ и самозванца; 3) всею землею выбрать царя, кого Богъ дастъ; 4) государствомъ же до того времени править князю Милославскому съ товарищами, т. е., малой боярской думѣ изъ 7-ми бояръ. А царя Василія Ив. Шуйскаго въ тотъ же день насильно низложили и вывели изъ Кремля въ его боярскій домъ.

and to save their country at the price of their lives, but he was seized by the enemy and dragged half dressed and barefoot to the pretender's camp. Simultaneously, the monastery of the Holy Trinity (Troitzkaya Lavra) showed great valor having stood firm during an eleven months siege of the Polish army.

Yet within Moscow itself, disorders grew apace. Many of the most influential people made secret trips to Tushino and back to Moscow, arousing discontent. They demanded that the Patriarch Hermogen should join the mutinous nobility in order to dethrone the Tsar Vassili Shuysky.

However the second pretender as well as the first was nothing but a tool in the hands of the Poles for the conquest of Russia. King Sigismund III had already entered Russian territory, recalling all the Poles from the pretender's camp that they might assist him in capturing Smolensk, the first fortress on the road to Moscow. The Tushino quarters of the pretender broke up, and he had to move away from Moscow towards the city of Kaluga.

A new revolt raged in Moscow. The enemies of Shuysky called the people of Moscow together and enumerating all the calamities that had come to Russia under the reign of this Tsar, proved that it was necessary to rebel against him. It was resolved: 1) to implore Vassili Ivanovich Shuysky to give up his power, granting safety to himself and his family; 2) to take the oath, kissing the holy cross, for ever to remain true to the church and the land and to destroy the Poles and the pretender; 3) to have the whole country chose a new Tsar, whom soever God should will; 4) in the meanwhile, to ask prince Miloslavsky and his companions (that is, a small Duma of seven noblemen) to govern the country, until the final settlement.

The same day, that is July 17, 1610, prince

Такъ наступило лихолѣтье междуцарствія въ Москвѣ въ іюлѣ 1610 г.

Войска польскія уже подступали къ Москвѣ и новые правители въ малодушномъ страхѣ рѣшили призвать на русскій престолъ польскаго королевича Владислава.

Но противъ этого возсталъ патріархъ Гермогенъ. Онъ указывалъ на необходимость избрать на престолъ православнаго царя изъ Русскихъ и уже тогда указывалъ на боярина Михаила Феодоровича Романова. И если у правителей государства тогда не нашлось достаточно разума и энергіи послѣдовать этому совѣту, то они все же должны были считаться съ мнѣніемъ патріарха и поставили условіемъ гетману Жолкѣвскому, стоявшему съ польскими войсками подъ Москвой, чтобы Владиславъ принялъ прежде вступленія на престолъ Московскій православіе, не строилъ костеловъ, не раздавалъ должностей полякамъ, не предпринималъ ничего важнаго безъ Боярской думы, не издавалъ законовъ безъ Земскаго Собора.

Теперь близорукіе бояре, вопреки совѣту патріарха уже совсѣмъ выпустили поляковъ въ Москву, отдали имъ Кремль. Гетманъ Жолкѣвскій, чтобы обезопасить корону Московскую Владиславу, уговорилъ бояръ послать къ Сигизмунду подъ Смоленскъ послами отца Михаила Феодоровича Романова — митрополита Филарета и князя Голицына, тоже намѣчавшагося въ Московскіе цари.

Такъ безотрадно было въ Московскомъ государствѣ къ концу 1610 г. Бояре, исполняли лишь польскіе замыслы и планы, истинновѣрные, преданные государственности русской и православной церкви бояре были забиты и загнаны. Въ эту то трудную годину земли и государства русскаго былъ одинъ человѣкъ, преданный государству и непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ свѣтильникъ церкви Православной патріархъ Гермогенъ. Среди быстрыхъ успѣховъ разрухи государства патріархъ ясно сознавалъ опасность не только для вѣры, но и для государства и на-

Vassili Shuysky was dethroned and taken from the Kremlin back to the home he owned as a nobleman.

Thus came the dreadful epoch of the *inter-regnum* in Moscow.

The Polish army was approaching the walls of Moscow, and its new rulers moved by a cowardly fear resolved to call the Polish crown-prince Vladislav to the throne of Russia.

The Patriarch Hermogen arose against this decision. He insisted that the throne should be occupied by an orthodox monarch and already at that early hour mentioned young Michail Feodorovich Romanoff. The temporary rulers of the country were not wise enough nor energetic enough to follow this advice, yet they could not ignore the spoken opinion of the Patriarch; — so they informed the Polish chieftain Jolkievsky, who was encamped with his army just outside of Moscow, that if prince Vladislav was to occupy the throne of Moscow, he must first accept Orthodoxy for his faith, promise to build no Polish churches, to appoint no Poles to various offices, to undertake nothing of importance without the consent of the noblemen's Duma and to publish no laws without calling a Council of the whole nation.

After this the short-sighted leader of Moscow opened the gates of the town for the Poles and let them have possession of the Kremlin. In order to ensure for prince Vladislav an open road to Moscow, the chieftain Jolkievsky proposed that as security the Russians should send to King Sigismund III, stationed with his army under Smolensk, both the Metropolitan Filaret (father of Michail Feodorovich Romanoff) and a prince Galitzin who also might be elected to the throne of Moscow.

Towards the end of 1610 things were in this deplorable condition in Moscow. Russian noblemen were carrying out all the

родности отъ польскаго порабощенія. И онъ всѣми силами возставалъ противъ этого, хотя и былъ «единъ и уединенъ», какъ говоритъ современное свидѣтельство. Державшій въ эту годину посохъ великихъ Московскихъ святителей Петра, Алексія и Іоны, столь потрудившихся для созданія единого и мощнаго Московскаго государства, патр. Гермогенъ былъ головою выше всѣхъ своихъ современниковъ въ государственномъ отношеніи. Этотъ столпъ не поколебался, этотъ свѣтильникъ не угасъ, но среди болѣе и болѣе сгущающейся тьмы, онъ свѣтилъ Россіи своимъ свѣтомъ, ярче и ярче разгораясь по мѣрѣ роста бѣдствій и опасностей. Посохъ великихъ Московскихъ святителей, держимый твердой рукою патріарха Гермогена, намѣтилъ для Россіи путь и орудія для спасенія отъ смуты и чужеземнаго порабощенія. Онъ больше, гѣмъ кто либо другой изъ героевъ этой тяжелой эпохи, сдѣлалъ для спасенія Россіи.

Но польскій король Сигизмундъ хотѣлъ уже самъ занять Московскій престолъ и не соглашался отпустить сына Владислава. Поэтому бояре — приверженцы поляковъ стали требовать, чтобы патріархъ Гермогенъ согласился и разрѣшилъ цѣловать крестъ, т. е., присягать Сигизмунду. Твердъ и непреклоненъ былъ патріархъ, ясно видѣвшій и понимавшій какъ быстро надвигается гибель отечества. Онъ зналъ, что некому пособить ни словомъ ни тѣломъ, и самъ геройски сталъ на стражу Россіи. На убѣжденія бояръ-приверженцевъ поляковъ говорилъ: «Стану писать къ королю грамоты, и духовнымъ властямъ велю руки приложить, если король дастъ сына на Московское государство, королевичъ крестится въ православную вѣру нашу, а литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что положить на всю королевскую волю, то видимое дѣло, что намъ крестъ цѣловать самому королю, а не королевичу, и я такихъ грамотъ не благословляю вамъ писать и проклинаю то-

schemes and plans of the Poles; those who were still true to the ideals of Russian statesmanship and the Orthodox church were in disgrace and exile.

At this period when both the country and the government were tried to the utmost, there was only one man who never faltered in his devotion to the country and his sound convictions: this man was the Patriarch Hermogen, the true light of the Russian church.

Whilst the work of the destruction of the state speedily progressed, the Patriarch clearly recognized the danger of Polish thralldom both for the faith, the rule and the nationality of his country. And with all his might he resisted this danger, though, according to the testimony of a contemporary of his, he was "alone and isolated". Holding, at this sad period, the staff of such great prelates of Moscow as Peter, Alexis and Jonah who had so greatly laboured at the building up of the indivisible might of the kingdom of Moscow, the Patriarch Hermogen stood a head above all his contemporaries in far-sighted statesmanship.

This pillar never wavered, this torch never grew dim, but, amidst the gathering darkness, lighted Russia with its own light, burning brighter and still brighter as dangers and calamities increased and multiplied.

The staff of the great prelates of Moscow held by the firm hand of the Patriarch pointed to Russia the way and the means of liberation from the great danger of slavery to a foreign rule.

Of all the great workers of this painful epoch, the Patriarch Hermogen accomplished the most for the salvation of Russia.

In the meantime, the Polish King Sigismund III conceived the idea of occupying the throne of Moscow in his own person, and would not send his son prince Vladislav there.

Sigismund's partisans among the nobles of Moscow importuned the Patriarch Her-

го, кто писать ихъ будетъ; а русскимъ людямъ напишу, что если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную вѣру не крестится и Литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловать, идти подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру». Патріархъ понималъ всю опасность и созвалъ москвичей въ Успенскій соборъ, гдѣ выяснилъ народу всю опасность положенія церкви и отечества и запретилъ цѣловать крестъ польскому королю Сигизмунду.

Въ то же время послы русскіе подъ Смоленскомъ митрополитъ Филаретъ Никитичъ и князь Голицынъ не признавали грамотъ русскихъ бояръ съ приказомъ подчинить Смоленскъ Сигизмунду и присягнуть ему, такъ какъ въ нихъ не было подписи патріарха. «Такимъ грамотамъ, — говорилъ митрополитъ Филаретъ, — по совѣсти повиноваться нельзя: писаны онѣ безъ воли патріарха, а насъ отпускалъ сюда патріархъ», а князь Голицынъ добавлялъ: «Когда мы стали безъ Государя, патріархъ у насъ человекъ начальній, и безъ него въ такомъ важномъ дѣлѣ рѣшать не подобаетъ».

Въ декабрѣ 1610 г. было получено извѣстіе въ Москвѣ, что второй самозванецъ убитъ въ Калугѣ. Оставалось теперь только освободиться отъ поляковъ. И вотъ властнымъ словомъ сталъ поднимать на вооруженную борьбу съ поляками русскій народъ самъ патріархъ. Онъ писалъ грамоты, въ которыхъ выяснялъ намѣренія Сигизмунда и поляковъ, призывалъ народъ встать на защиту отечества: «всѣмъ, не мѣшая, по зимнему пути, собрався со всѣми городами, идти вооруженными ополченіями къ Москвѣ на польскихъ и литовскихъ людей». За отсутствіемъ царя, при измѣнѣ временнаго правительства, въ качествѣ начальнаго человека русской земли патріархъ счелъ себя въ правѣ призывать всѣхъ къ оружію. Принимая дѣятельное участіе въ дѣлахъ государственно-народныхъ, патріархъ Гер-

mogen with their demands that he should allow them to take the oath of allegiance to the Polish king. But the Patriarch remained firm and unwavering, for he saw well whence would come Russia's ruin. He well knew that there was no one to help him either in word or in deed, and arose alone to keep watch over his country.

The Patriarch called the inhabitants of Moscow to the Ouspensky Cathedral and made clear to them in what great danger their allegiance to the Polish king would place both the church and the land of their fathers.

At the same time, the Russian envoys to the Polish king at the entrance of Smolensk, prince Galitzin and Filaret Nikitich Romanoff, the Metropolitan, firmly refused to accept the order of the nobles of Moscow to deliver the Smolensk fortress into the hands of Sigismund taking the oath of allegiance to him, for this order had not been signed by the Patriarch also. The Metropolitan Filaret Nikitich said: "it would be against conscience to obey orders like these; they contain no signature of the Patriarch, yet it is he who sent us here", and prince Galitzin added: "whilst we are without a monarch, the Patriarch is chief among us, and a question as important as this ought not to be decided without him"

In December, 1610, news was received in Moscow of the second pretender Dmitri having been killed in Kaluga. It remained for the people to rid the land of the Poles. The authoritative word calling the Russian nation to arise against the Poles was spoken by the Patriarch himself. In the absence of a Tsar and because of the treason of the temporary Government, the Patriarch deemed it right to call everyone to take up arms. In taking such an active part in the national affairs, the Patriarch Hermogen simply followed in the path of the great prelates of Moscow his predecessors, imitating Saint

могенъ слѣдовалъ по пути своихъ великихъ предшественниковъ Московскихъ святителей и дѣйствовалъ по завѣтамъ церкви, которая нѣкогда въ лицѣ преподобнаго Сергія въ годину опасности отечества вооружила мечами своихъ схимниковъ и послала на Куликовское поле битвы. И теперь въ началѣ 1611 года призывныя грамоты патріарха Гермогена расходились по всѣмъ областямъ земли русской. Поднимается народное ополченіе. Въ городахъ жители принимаютъ присягу стоять за Москву и идти на поляковъ, сами пишутъ и разсылаютъ новыя призывныя грамоты по разнымъ областямъ: «и мы, пишутъ Нижегородцы, — по благословенію и приказу святѣйшаго патріарха Гермогена, собрались изъ Нижняго съ окольными людьми и идемъ къ Москвѣ». Въ мартѣ ярославцы пишутъ въ грамотѣ, что «никто не посмѣлъ бы молвить ни одного слова бзѣз досточуднаго дѣла патріарха». Поляки поняли, какимъ опаснымъ человѣкомъ для нихъ является патр. Гермогенъ и заключили его подъ стражу. Но тѣмъ большій подъемъ вызвали грамоты преданныхъ москвичей, извѣщавшіе о насиліяхъ надъ святителемъ.

Собираются народныя ополченія, и однимъ изъ первыхъ сформировалъ отрядъ Прокопій Ляпуновъ въ Рязани. Прежде колебавшійся. участникъ мятежей, склонявшійся къ полякамъ Прокопій Ляпуновъ благодаря грамотамъ патр. Гермогена, сталъ твердымъ исполнителемъ завѣщаній патріарха. «Встанемъ крѣпко, писалъ Прокопій Ляпуновъ, двинемся всею землею къ царствующему граду — Москвѣ, и со всѣмъ православнымъ христіанствомъ обдумаемъ, кому быть на Москвѣ государемъ. У насъ одна дума: или вѣру нашу православную защититъ, или всѣми до одного помереть».

Въ Нижнемъ, Суздаль, Калугѣ и др. городахъ собираются новыя и новыя ополченія. Поляки требовали, чтобы патріархъ остановилъ это народное движеніе. «Это ты, — говорили патріарху, — по городамъ грамоты

Sergius, who, in the hour of the great danger the Russians ran of being engulfed by the Tartar horde (XIIIth century) armed with weapons some of the most ascetic recluses in monasteries sending them to fight the Tartars on the battelfield of Koulikovo. In 1611, the Patriarch of the Russian church sent missives to all parts of Russia calling men to take up arms. The whole nation was aroused to arm itself. The inhabitants of other towns swore to join in arms with Moscow and rise against the Poles. Citizens wrote and despatched letters all over the country in their turn inviting other provinces to join in the struggle. The Poles became aware how dangerous the Patriarch Hermogen was for their rules: they seized and imprisoned him. But only the greater grew the enthusiasm in the provinces aroused by the letters of the legal Moscow people, who described the violences done to their prelate.

One of the first armed detachments against the Poles was started in the city of Riazan on the initiative of Prokop Liapounoff, who had formerly wavered, taking part in revolts and showing an inclination to join the Poles; he was so impressed by the letters of the Patriarch Hermogen that he was entirely changed. He wrote to other cities: "Let us stand firm, let the whole land move towards the reigning city of Moscow and, together with all the Orthodox chis-tendom, let us consider who is to be the ruler of Moscow. We shall hold one thought only: either to save our Orthodox faith or else to die to the last man".

More and more armed detachments were formed in Nijni Novgorod, in Souzdal, in Kaluga, everywhere. The Poles demanded that this national movement should be stopped by the Patriarch Hermogen. Yet the detachment of Prokop Liapounoff approached Moscow and when it entered this town, the Poles, sheltered in the Kremlin, asked the Patriarch to dismiss him. But the

посылать, ты приказывалъ всѣмъ идти на Москву, отпиши, чтобы не ходили»... Но уже близко были ополченія Прокопія Ляпунова, а когда они вступили въ Москву, то поляки, зашвырнувъ въ Кремль, требовали, чтобы Гермогенъ приказалъ уйти Ляпунову. Но твердо былъ патріархъ: «Вы мнѣ сулите злую смерть, говорилъ онъ, а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ небесный».

25 іюля 1611 г. главный вожь ополченій доблестный Прокопій Ляпуновъ былъ убитъ измѣннически казаками. Уже разепадались ополченія Ляпунова, могло совершенно прекратиться и упасть народное движеніе на защиту Москвы. Нужны были новыя силы, нуженъ былъ новый патріотическій подъемъ. А патріархъ былъ въ заключеніи — въ подземельѣ Чудова монастыря. Одну только грамоту 5 авг. 1611 г. послѣднюю предсмертную онъ могъ послать изъ заключенія, призывая всѣхъ стоять за домъ Пречистой Богородицы, за чудотворцевъ Московскихъ и за вѣру, чтобы души свои положили, какъ обѣщались.

Угасавшій свѣтильникъ земли русской уже успѣлъ зажечь новыя и новыя искры. Въ Троицкой Лаврѣ во главѣ иноковъ стоялъ ученикъ и ставленикъ патріарха—архимандритъ Діонисій съ другимъ его послушникомъ — келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ. Эта два инока продолжили дѣло патріарха, своими грамотами они не дали заглухнуть народному подъему, они возбуждали народныя полчища на защиту отечества. «Бога ради, молитесь своихъ служилыхъ людей, чтобы всѣмъ быть въ соединеніи, и сообща стать противъ нашихъ предателей и противъ вѣчныхъ враговъ креста Христова — польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите, сколько погубили они христіанъ въ городахъ... Гдѣ Божіи церкви и св. иконы? гдѣ иноки? Не все ли разорено и обругано злымъ поруганіемъ... Смилюйтесь предъ общею смертною погибелю, чтобы и васъ не постигла такая же лютая смерть. Пусть ваши служилые люди не мѣнякая спѣ-

Patriarch remained firm. He answered the Poles: "You threaten me with bitter death, but I hope to win, through it, a heavenly crown".

On July 25, 1611, the brave Prokop Liapounoff was treacherously killed by some cossacks. His detachment fell to pieces, and the whole national movement for the defense of Moscow was threatened with annihilation.

New energy was needed, a new uplift of patriotic enthusiasm. But the valiant Patriarch Hermogen was hidden away in an underground cell of the Choudoff monastery. Yet before he died the death of a holy martyr, he succeeded in despatching one more letter from his prison; in this letter he implored all to defend the house of the Holy Virgin, to stand up for the holy miracle-workers of Moscow, for their common faith, laying down their lives as they had promised.

The beacon light of Russia was almost extinguished, but many a spark that flew from it lit up other beacons. At the head of the monks of the Holy Trinity there stood at that time a former disciple and chosen spiritual son of Patriarch Hermogen, the Archimandrite Dionysi, and Avraam Palitzin, another neophyte of his, was brother cellarer in the same holy abode. These two kept the work of their teacher alive, their ardent missives kept up the popular enthusiasm, and detachment after detachment of armed men arose in defense of the country.

The missives of the two recluses especially aroused the patriotic spirit of the people in Nijni Novgorod. After they had been read in the cathedral of the Saviour, a priest, Savva Efimieff by name, exhorted the people to defend their faith and their land. On the public place at the entrance of the Cathedral, stood a headman of the land Kosma Minin saying: "Orthodox Christians! If we really wish to help the kingdom of Moscow, there is nothing we shall grudge; we may pledge

пать къ Москвѣ. Если и есть въ вашихъ предѣлахъ недовольство между собою, ради Бога, отложите то на время, чтобы всѣмъ намъ потрудиться единодушно для избавленія православной вѣры отъ враговъ. Смилюйтеся и умилитеся и поспѣшите на это дѣло, помогите ратными людьми и казней»... — Такъ писали архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ въ грамотахъ Сергіевой лавры. И эти грамоты снова возбуждали н а р о д н ы й п а т р і о т и з м ъ. Особенно сильное возбужденіе и подъемъ народнаго духа произвели грамоты въ Нижнемъ. Здѣсь въ Спасскомъ Соборѣ, послѣ прочтенія одной изъ Троицкихъ грамотъ, призывалъ народъ постоять за вѣру и отечество протопопъ Савва Евѣиміевъ. Возникло великое народное движеніе. А на площади у Собора земскій староста Козьма Мининъ встрѣчалъ народъ: «Православные! Если захотимъ помочь Московскому государству — не пожалѣемъ ничего: дворы свои и дома продадимъ, заложимъ женъ и дѣтей, но соберемъ казну на ратныхъ людей». И народъ несъ все, что только могъ. Возникло и образовалось въ Нижнемъ Новгородѣ великое народное ополченіе во главѣ котораго стали князь Димитрій Ивановичъ Пожарскій и Козьма Мининъ-Сухорукъ.

Не дожидь до этого великаго дня — освобожденія Москвы свѣтильникъ земли Русской патріархъ Гермогенъ. Поляки требовали, чтобы онъ грамотами остановилъ это движеніе, но и теперь патріархъ былъ непреклоненъ: «Да будетъ надъ ними милость отъ Господа Бога, а отъ нашего смиренія благословеніе», — говорилъ онъ. Ему перестали спускаться въ подземелье пищу и 17 февраля 1612 г. онъ мученически скончался голодною смертію. Его останки и донынѣ нетлѣнны, при его гробѣ въ Успенскомъ Соборѣ совершаются чудеса и поднятъ вопросъ о канонизаціи этого великаго Святителя.

А дѣло его не умерло. Въ мартѣ народное ополченіе Нижняго и др. городовъ собирается уже въ Ярославлѣ, чтобы идти на Москву. Но чтобы сдѣлаться достаточно сильнымъ, здѣсь

our wives and our children for a hostage, but we shall provide for our armed warriors". And the people freely brought to him all they had. The people of Nijni Novgorod formed a great army, at the head of which stood Kosma Minin and prince Dmitri Ivanovich Pjarsky.

The Patriarch Hermogen did not live to see the great day of the liberation of Moscow. The Poles demanded that he should write an edict cutting short the movement of the people, but the Patriarch remained firm: "Let the mercy of God dwell with them, and the mercy of my own humble blessing". Henceforward no food was sent down to him, and he died of starvation Feb. 17, 1612. His remains are still undecayed, miracles are worked over his tomb in the Ouspensky Cathedral; and the question has been raised of the canonization of this great hierarch.

However his work was not dead. March saw the armed citizens of Nijni Novgorod and other cities in Yaroslaff, on their way to Moscow. But in order to increase their numbers, to improve their arms and skill, this army lingered in Yaroslaff during several months. Revolt and disorder weakened, under the influence of all this patriotic uplift. But on August 14, 1612, the army was in the monastery of the Holy Trinity, and a few days later, August 20, the warriors already reached Moscow. The Poles, however, sat firm in the Kremlin and the adjacent suburb of the capital. And though the siege began in August, the Poles were able to resist the attacks of the Russians all through September and October. But the ever increasing famine had the better of them at last inciting them to surrender. The adjacent suburb was taken by the Russians almost without any resistance on the part of the Poles, and two days later Oct. 24, the Poles released the Russian nobles whom they had kept prisoners in Kremlin, during many months. Among them was Michail Feodorovich Romanoff with his mother, the nun Martha, who on leaving the

ополченіе долго оставалось, собирая большія и большія рати. Призывныя грамоты созывали новыя и новыя дружины. Смута подѣ влияніемъ такого патріотическаго движенія все болѣе и болѣе ослабѣвала. 14 августа народныя дружины были уже въ обители Троицкой Сергіевской Лавры, а 20 авг. 1612 г. они подходили уже къ Москвѣ. Начались августовскіе бои съ поляками, которые засѣли въ Кремль и Китай-городъ. Долго и упорно защищались поляки, весь сентябрь и октябрь они держались въ Кремль и Китай-городъ, отражая приступы русскихъ. Но голодъ шире и больше распространялся среди поляковъ и побуждалъ ихъ къ сдачѣ. 22 октября русскіе дружины взяли Китай-городъ приступомъ почти безъ сопротивленія поляковъ, а 24 октября изъ Кремля поляки выпустили плѣнныхъ бояръ, въ числѣ коихъ вышли изъ Кремля и бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ съ матерью своей инокиней Марѳой и уѣхали въ свою Костромскую вотчину.

25 октября открылись всѣ Кремлевскіе ворота и народныя дружины вошли въ Кремль. Москва стала свободна отъ поляковъ, а съ нею и Русь вся освободилась отъ иноземнаго ига. Правда, еще польскій король не терялъ надеждъ, и уже шелъ было съ своими войсками къ Москвѣ, но встрѣчая всюду упорное сопротивленіе, не находя въ разоренной странѣ пропитанія, гонимой сильными морозами, онъ не дошелъ до Москвы и вернулся въ Польшу.

А въ Москвѣ созидалось и устроялось Русское государство. Нужно было выбирать царя. Новое правительство во главѣ съ княземъ Пожарскимъ и Мининымъ разсылало грамоты по областямъ и городамъ, призывая прислать въ Москву какъ властей духовнымъ и свѣтскихъ, такъ и выборныхъ людей «для великаго дѣла, избранія Государя». «Безъ Государя, писалось въ этихъ грамотахъ, — Московскому государству стоять нельзя; печься о немъ и людьми Божиими промышлять некому; безъ Государя Московское государство вдосталь разорилось все; безъ государя государство ничѣмъ не строится и воровскими за-

Kremlin went directly to their Kostroma property.

All the gates of the Kremlin were opened October 25, and the volunteer army took possession of it.

Moscow was freed from invading foreigners, and along with it the whole country.

However, the king of the Poles Sigismund III, did not immediately lose all hope of the throne of Moscow, and even tried to hasten to reinforce his people in Moscow by his own presence, but met with stubborn resistance on all sides, finding no supplies amid the destitution of the ruined country, and especially harassed by the unusually severe frosts, King Sigismund never reached Moscow, but turned back to Poland.

In the meantime, in Moscow, Russia was in construction. A Tsar had to be elected. The new government headed by prince Pojarsky and Kosma Minin addressed requests to all Russian provinces and cities, asking them to send authoritative people both clerical and lay, as well as people elected by themselves "for the great work of electing a monarch".

As the result of these missives, at the beginning of January 1613, a great national council took place in Moscow, which has never been equalled by any other council. About 700 men arrived from all parts of Russia, among whom were representatives of all classes. The clergy took a prominent part, there were many nobles, and many of the office holding class; there were some peasants. They fasted three days in order to purify and compose themselves after the recent disturbances. Then the work of election began. First of all it was decided, that to occupy the throne of Moscow, "neither a Polish, nor a Swedish prince can be chosen, nor a man of any other faith, or alien country, but a man from amongst Russian Orthodox nobles".

There was much agitation usual at all elections. Many wished to see their own kin on the throne; there was some bribery and some

водами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится». И потому бояре и воеводы приглашали, чтобы всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговых посадскихъ и уѣздныхъ людей, поскольку человекъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія всѣ города прислали бы въ Москву, и чтобы эти власти и выборные люди «договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраніи полные договоры».

И вотъ вслѣдствіе такихъ призывныхъ грамотъ въ Москвѣ въ началѣ января 1613 г. составилъ великій земскій Соборъ, какого еще до сего не бывало. До 700 человекъ съѣхалось на этотъ Земскій соборъ, въ числѣ которыхъ были представители всѣхъ классовъ населенія. Видное мѣсто занимало духовенство, много было бояръ и служилыхъ людей, были даже и крестьяне. Послѣ трехдневнаго очистительнаго послѣ смуты поста приступили къ избранію царя и прежде всего было рѣшено: «ни польскаго ни шведскаго королевича, ни иныхъ вѣръ, ни изъ какихъ неправославныхъ государствъ, никого на Московское государство царемъ не избирать, а избрать государя изъ среди русскихъ православныхъ бояръ».

Началась обычная избирательная агитація. Всѣмъ хотѣлось возвести своихъ родичей... Были и подкупы и всякія козни и т. п. И не одно, конечно, собраніе прошло, не одинъ конечно кандидатъ выдвигался, но не было общаго, такъ сказать, народнаго кандидата. Но вотъ, рассказываетъ лѣтописецъ, одинъ дворянинъ изъ Галича (нынѣ г. Костр. губ.) принесъ на Соборъ письменное заявленіе о томъ, что къ престолу царскому ближе всѣхъ бояринъ Михайлъ Ѳ. Романовъ и что его и должно избрать въ цари. Въ это же время съ Дона какой-то казацкій атаманъ подалъ письменное заявленіе «о природномъ царѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ». Такое совпаденіе предложеній съ двухъ различныхъ концовъ государства какъ то сразу подвинуло дѣло о выборѣ боярина Романова въ цари. Въ то же время

scheming; many names were put forward; but no univiersally popular candidate could be found. At last, according to a historical writer of the time, something occurred to change this uncertainty: a land owner in one of the northern provinces presented to the council a written statement, that Michail Feodorovich Romanoff of all the Russian nobles was the best qualified to be elected; and at the same time another written statement came from the south, from a cossack chieftain on the borders of the river Don proclaiming that Michail Feodorovich Romanoff was a born Tsar. The coincidence of two such positive opinions coming from the two opposite ends of the country did much for the election of Michail Romanoff to the throne of Moscow.

At the same time many of the electors called on the cellarer Avraam Palitzin who took an eager interest in the proceedings of the election, and asked him to propose this young nobleman as a candidate, to the nobles, military chieftains and other electors of the assembly. Thus, it can be seen that the candidature of the future Tsar was established by the nation, and not by any grasping family of nobles. It almost seemed as if the land heard once more the echo of the voice of the great Russian Patriarch Hermogen, who more than two years ago, immediately after the downfall of Vassili Shuysky, said that Michail Romanoff was the best fitted to become the ruler.

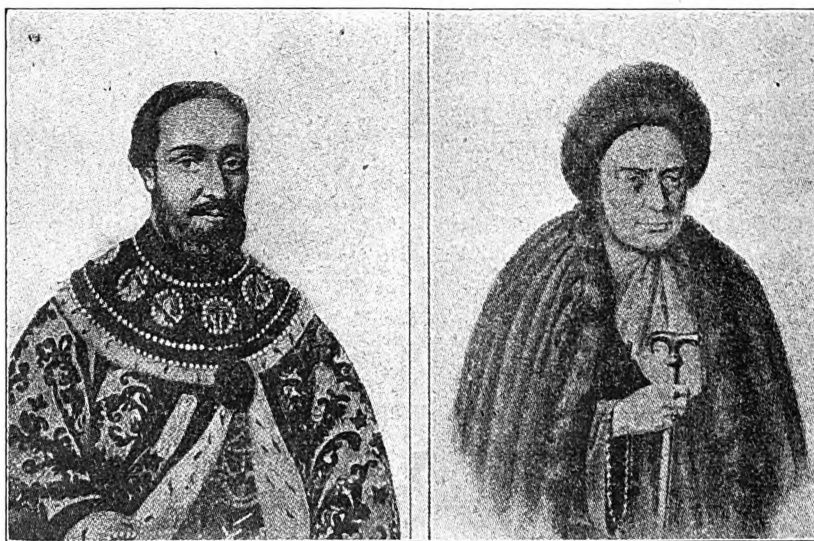
This name aroused no disputes and caused no discontent. The family of the Romanoffs had been known for a long time. Everybody remembered the martyrdom of this family under Boris Godounoff, everybody knew the Metropolitan Filaret Nikitich Romanoff of Rostoff, who at this time was still detained by the Polish king and whose fate therefore proved much anxiety.

Towards February 7, 1613, the election of Michail Feodorovich Romanoff was a certain-

многіе выборные члены собора являлись къ келарю Авраамію Палицыну, принимавшему живое участіе въ дѣлахъ собора, и просили его предложить правившимъ тогда боярамъ и воеводамъ и освященному собору объ избраніи въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова. Такимъ образомъ, кандидатура въ цари Московскіе боярина Романова шла изъ народа, шла не отъ заинтересованныхъ бояръ, а шла изъ среды народа. Можно сказать, это былъ живой откликъ еще давняго голоса великаго свѣтильника земли русской патр. Гермогена, который еще въ 1610 г., послѣ сверженія Шуйскаго указывалъ на Михаила Ѳеодоровича Романова какъ на кандидата въ московскіе цари. И это имя меньше всего возбуждало споровъ и недовольства. Родъ бояръ Рома-

ty. But the final election was postponed for a fortnight, and as some of the electors were away and the council desired to learn the attitude of the larger towns.

However, on February 21, 1613, divine service was celebrated in the cathedral of the Assumption of the most Pure Virgin Mother of God (Ouspensky), and after the Liturgy the "great event" was brought to conclusion. All written statements were unanimous in naming Michail Romanoff. A deputation was sent to inquire the wishes of the masses and the soldiery, crowding the big public square at the entrance of the Kremlin. And all answered unanimously: "Let Michail Feodorovich Romanoff be our Tsar and ruler".

Бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ.
(Святѣйшій патріархъ Филаретъ).

Отецъ и Мать Царя Михаила Ѳеодоровича.

Боярыня Ксенія Іоанновна Романова.
(Великая инокиня Марѳа).

повыхъ давно былъ извѣстенъ, всѣмъ еще были памятны страданія этого рода при Годуновѣ, всѣ знали великаго Ростовскаго святителя—митрополита Филарета Никитича Романова, который былъ отправленъ посломъ къ польскому королю и судьба котораго теперь, конечно, возбуждала сильное безпокойство. И къ 7-му февраля 1613 г. вопросъ объ избраніи въ цари боярина Михаила Ѳ. Романова, можно сказать, уже былъ рѣшенъ. Но такъ какъ еще не всѣ выборные были въ Москвѣ и нужно было узнать, какъ отнесутся къ это-

Thus was chosen the Tsar of Moscow.

But the council of the land did not even know where to look for him. When the Poles were driven from Moscow, Michail Romanoff and his mother left the Kremlin. But at that time no one foresaw that he was to be the future monarch, no one took any interest in them, and they first went to their country home, in the province of Kostroma, and then later on moved seeking security to the Ipatieff Monastery within the city itself.

A large deputation, consisting of people

му кандидату большіе города, то и рѣшено было отложить на двѣ недѣли окончательное избраніе. А въ это время членовъ собора отправили по городамъ узнать: какъ народъ отнесется къ этому избранію.

21 февраля 1613 г. снова въ домѣ Пречистыя Богородицы въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, послѣ Божественной литургіи въ недѣлю Православія, состоялось завершеніе «великаго дѣла». Члены Земскаго Собора подавали письменныя мнѣнія о царскомъ избраніи и всѣ записки единогласно указывали на Михаила Ѳ. Романова. Архіепископъ Рязанскій Феодоритъ, келарь Авраамій Палицынъ и бояринъ Морозовъ были посланы спросить народъ и войско, бывшіе на Красной площади, за Кремлемъ, кого желаютъ они въ цари? И всѣ дружно отвѣчали: «Михаилъ Феодоровичъ Романовъ да будетъ царемъ-государемъ».

Такъ совершилось народное избраніе новаго Московскаго царя.

Но Соборъ Земскій не зналъ даже, гдѣ находится этотъ новый царь. Послѣ освобожденія Кремля отъ поляковъ, когда бояринъ Михаилъ Ѳ. Романовъ вмѣстѣ съ своей матерью инокиней Марѳой были выпущены изъ Кремля, никто не зналъ, что это будущій царь, никто не принялъ въ нихъ участія и они уѣхали въ свою вотчину въ Костромской области, въ село Доміино, а потомъ переѣхали въ болѣе безопасное мѣсто — въ самую Кострому — въ Ипатіевскій монастырь. Соборъ Земскій избралъ посольство просить и молить Михаила Феодоровича принять избраніе. Ъхать къ государю, царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ государь будетъ». — говорилось въ наказѣ посольству. Во главѣ посольства были архіепископъ Рязанскій Феодоритъ, келарь Авраамій Палицынъ, три архимандрита, три протопопа, бояре Шереметьевъ, Бахтеаровъ-Ростовскій, Головинъ, и многіе другіе бояре, приказные и выборные люди.

of various classes, was sent by the council of the land to beg and implore Michail Feodorovich to accept his election. They started from Moscow on March 2, and by the 13th of the month they had reached Kostroma. Messengers were dispatched to the Ipatieff Monastery, who were told that Michail Romanoff would see them on the morrow.

The authorities as well as the inhabitants of Kostroma learned, of course, what was the deputation's errand. Next morning, an enormous crowd, preceded by a religious procession, moved towards the Ipatieff Monastery. At the gates the whole brotherhood and inhabitants of the monastery, Michail Romanoff and his mother the nun Martha among them, met the procession. But when the young nobleman understood what the deputation came for, when he was told that it was the will of the whole nation that he should be the Tsar, he grew very agitated (he was only 16) and answered, "with anger and tears", that he did not want to be a monarch. His mother, the nun, also said that were her son to consent she would not sanction his choice. Mother and son were so disturbed that they would not enter the cathedral of the Monastery, where the will of the people was to be solemnly read out to them by the delegates. They were taken thither almost by violence after much begging on the part of the ambassadors.

The delegates from Moscow read, that the people of all the classes now implored him to take pity on the shattered pieces of what once was a great Christian kingdom and promised that young and old, rich and poor, they all would gladly lay down their lives for him.

But Michail's mother said that her son never had dreamed of ruling such an extensive territory, that he was not even of age; that the people of Moscow had grown accustomed to mean and undisciplined lives; that they were not loyal servants but mean

2 Марта посольство отправилось изъ Москвы, а 13 Марта они были уже въ вечерни, въ Костромѣ, гдѣ и нашли Михаила Оеодоровича. Дали знать въ Ипатіевскій монастырь о приѣздѣ и Михаилъ Оеодоровичъ велѣлъ быть посламъ у него на другій день. Послы, конечно, рассказали воеводѣ и жителямъ зачѣмъ прибыли. И на утро 14 Марта съ крестнымъ ходомъ послы, сопровождаемые горожанами, пошли въ Ипатіевскій монастырь. Крестный ходъ былъ встрѣченъ у воротъ монастырскихъ братіей монастыря съ Михайломъ Оеодоровичемъ и инокиней Марѳой. Но когда послы объявили зачѣмъ они явились, объявили волю народную объ избраніи его на царство, то Михаилъ Оеодоровичъ съ «великимъ гнѣвомъ и плачемъ» отвѣчалъ, что онъ не хочетъ быть государемъ, а инокиня Марѳа прибавляла, что она и не благословляетъ сына на царство, и они даже не хотѣли вмѣстѣ съ посольствомъ и народомъ войти въ соборную Троицкую церковь Ипатіевского монастыря, на силу послы ихъ упростили. Здѣсь послы московскіе читали данный имъ наказъ: «Всякихъ чиновъ. всякіе люди, — говорилось въ наказѣ, — бьютъ челомъ, чтобы тебѣ, великому государю, умилься надъ остаткомъ рода христіанскаго, многорасхищенное православное христіанство Россійскаго Царства отъ растлѣнія собрать во-единство, принять подъ свою государеву паству, подъ крѣпкую высокую свою десницу, всенароднаго слезнаго рыданія не презрѣть, по изволенію Божию и по избранію всѣхъ чиновъ людей государемъ царемъ и великимъ княземъ всея Руси быть... и служить тебѣ, государю, и прямить и головы свои изъ тебя класть всѣ люди отъ мала до велика рады».

Но не внималъ Михаилъ О. съ матерью этимъ мольбамъ и въ церкви. «У сына ея и въ мысляхъ нѣтъ, — говорила инокиня Марѳа, — на такихъ великихъ государствахъ быть государемъ, онъ и не въ совершенныхъ лѣтахъ», а въ Московскомъ государствѣ люди измалодушествовались, не прямо служили и

traitors to their Tsars; that the country was devastated by the invasion of Poles and pretenders; that their monarch could find no revenues out of which to pay his own expenses or reward the work of government servants; but most of all she said, her son's father the Metropolitan Filaret was amongst the Poles now and, were king Sigismond to learn of the election of their boy, Filaret might become the victim of foul play.

For six long hours, the delegates from Moscow implored Michail Romanoff and his mother not to resist the will of God by refusing his becoming the monarch of Moscow. were he to persist in his refusal God would visit on him the utter ruin of Russia. At this, the Archbishop said that there, in the presence of a highly esteemed Kostroma image of the Holy Virgin, they should fear to incur her disapproval of their obstinacy. This touched the hearts of both mother and son and, falling down in prayer before the image, they gave their consent saying that they trusted to the mercy and succor of the Saviour and His Holy Mother.

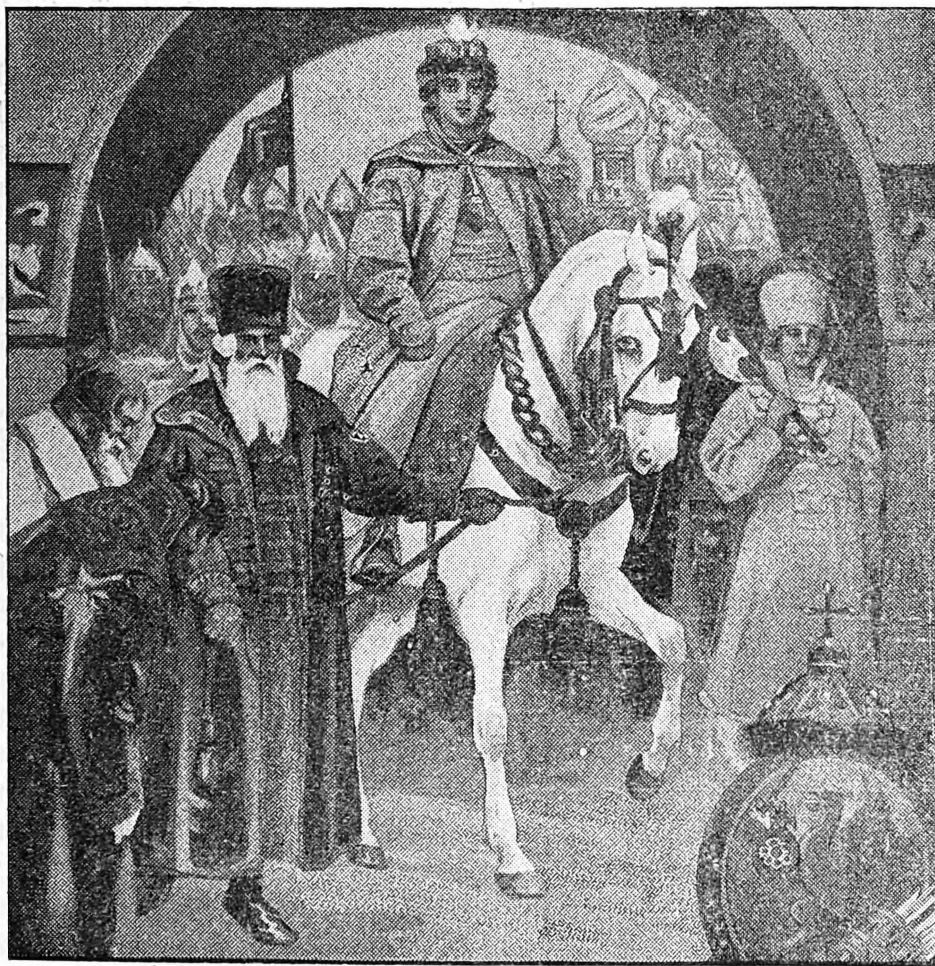
Thus Michail Feodorovich Romanoff accepted the heavy responsibility of the rulers of Moscow, in the Ipatieff Monastery of Kostroma, March 14, 1613. Early in May he arrived in Moscow, and his coronation took place in July.

Even before the young Tsar ascended his throne, the people, having learned from bitter experience the horrors of anarchy and discord, of their own initiative took the oath of allegiance to him; in all large cities not only were people willing to give all their possessions and strength to their country, but even to lay down their very lives for their Tsar.

This was well proved by the example of Ivan Soussanin. Having learned of the election of Michail Romanoff, some Poles or rather some renegade cossacks, sought to kill him, and went to the Romanoff property of

измѣняли своимъ государямъ, а государство все раззорено поляками и самозванцами, со-кровища царскія расхищены, вотчины и села всѣ порозданы, такъ что государю нечѣмъ пополнять свои обиходы и жаловать служи-лыхъ людей, да и отецъ его въ Литвѣ, и ко-роль; узнавши о семъ, сдѣлаетъ ему, — ми-трополиту Филарету, какое-нибудь зло. Такъ

Kostroma to learn where they could find the future Tsar. Ivan Soussanin a trusty ser-vant of his, whom they forced to lead him to the Tsar's supposed hiding place purposely led them into a tractless forest, where they all perished, he dying with his soul at rest, for he knew that owing to his self-sacrifice sufficient time was gained to assure Michail

Вѣздъ Царя Михаила Ѳеодоровича въ Москву.

говорила инокиня Марѳа, а послы слезно мо-лили и били челомъ Михаилу Ѳеодоровичу, чтобы соборнаго моленія не презрѣлъ, выбра-ли его по изволенію Божію; не по его жела-нію, — положилъ Богъ единомышленно въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала и до велика на Москвѣ и во всѣхъ горо-дахъ. И если прежде были измѣны и рознь

Romanoff's safety.

After the dreadful trials of so many years the life of the kingdom was laborious and full of burdens. It was hard to concentrate its scattered powers and to make it strong again. It was hard to govern an impoverished land, with many bands of wandering out-laws devastating it only further, and all

между людьми Московскаго государства, то нынѣ «Московскаго государства люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ».

Съ третьяго часа до 9-го такъ просили и молили Московскіе послы Михаила Ѳеодоровича съ мтаерью его, чтобы онъ воли Божіей не снималъ, былъ на Московскомъ государствѣ государемъ. Но Михаилъ Ѳ. все не соглашался. Послы уже начали говорить, что Богъ взыщетъ съ него конечное раззореніе государства, а архіепископъ указалъ на ликъ Ѳеодоровской иконы Богоматери, чтимой Костромской съятини, угрожая ея гнѣвомъ за ослушаніе. И только послѣ этого смягчились сердца, и инокиня Марѳа съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, припавъ съ мольбой къ образу Богоматери, покорились волѣ народной, положившись на милость и помощь Божію и Его Пречистой Матери.

Такъ принялъ посохъ Московскихъ царей бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ 14 Марта 1613 г.

19 Марта онъ уже выѣхалъ изъ Костромы, 2 Мая прибылъ въ Москву, а 11 Іюля наканунѣ царскихъ именинъ — дня памяти преп. Михаила Малееина — происходило царское вѣнчаніе — коронація новаго государя.

Народъ уже давно по городамъ присягалъ новому царю — еще раньше его вступленія на престолъ, такъ какъ сознавалъ и видѣлъ горькимъ опытомъ какъ тяжела смута и рознь и что безъ государя жить невозможно.

Лучшіе люди готовы были не только всѣми средствами и силами помочь государству, но и свою жизнь готовы были отдать за царя. И примѣръ этому мы видимъ въ той же Костромской землѣ, гдѣ крестьянинъ села Домнина Иванъ Сусанинъ, спасая жизнь своего боярина и царя, среди пытокъ и мученій умеръ. Поляки, или, вѣроятнѣй, казаки-измѣнники, узнавши объ избраніи Михаила Ѳ. въ цари, пошли въ его Костромскую вотчину, желая убить новаго царя. Съ этой цѣлью они

these difficulties were aggravated by the threatened invasion of Swedish and Polish armies. Yet, with the help of the best people in the provinces, the young monarch conquered all difficulties: he quieted the country and led it on to the safe road. Again and again we see the same Land Council, which elected the hard working Tsar, called together from the provinces and helping the monarch in all greater difficulties by advice, material help and even by the sacrifice of their lives.

After five years of the first Romanoff's reign Russia was unrecognizable. Not only did order and peace reign within, but without all the alien neighbours had learned to treat the country with respect and even Poland was induced to release the captive Metropolitan Filaret, beloved father of the Tsar.

With his return the affairs of government went still better. The father of the Tsar became the Patriarch of Moscow; the secular and the spiritual power joined forces for the construction and the guidance of the state. Edicts and orders were signed by the Tsar and the Patriarch together. Peace with all neighbouring countries ensured quiet leisure to attend to the inner development and disciplining of the country. The introduction of the tax system brought considerable profit to the treasury of the kingdom; trade became lively; foreign merchants visited the heart of the country; the domains of noblemen were better distributed. On the other hand, intercourse with Western Europe brought about the borrowing and introduction of many useful innovations.

The recent era of strife and disorder proved that foreign soldiers were superior to Russian troops; so when peace was established numerous foreign officers were invited to instruct and form new regiments. All kinds of craftsmen were asked to work for the Russian court; various mines and ores were discovered; foundries, gun factories,

и пытали его довѣреннаго въ Домнинской вотчинѣ—Ивана Сусанина, требуя указанія, гдѣ бояринъ его. И Сусанинъ, спасая жизнь своего боярина-царя, повелъ враговъ въ непроходимый лѣсъ, а самъ послалъ предупредить боярина объ опасности, чтобы тотъ успѣлъ скрыться. Сусанинъ зналъ, что идетъ на гибель и смерть, но онъ зналъ, что и враговъ губить, спасая дорогую жизнь боярина-царя.

И до сихъ поръ въ народномъ преданіи и потомствѣ жива память объ этомъ подвигѣ и мѣстѣ его, до сихъ поръ существуетъ цѣлое потомство Ивана Сусанина въ селѣ Коробовѣ Костр. губ. и у., извѣстное подъ именемъ Коробовскихъ бѣлопашцевъ, свободныхъ царскими милостями отъ всѣхъ повинностей и налоговъ, а благодарная родина — Кострома гордится памятникомъ крестьянину Ивану Сусанину, спасшему жизнь царя, украшающемъ въ Костромѣ Сусанинскую площадь.

Трудна и тяжела была жизнь государства послѣ такой великой смуты. Трудно и нелегко было собрать и укрѣпить разоренную родину. Трудно было управлять такимъ государствомъ разореннымъ, среди котораго бродили цѣлыя полчища грабителей, а тяжесть эта еще больше увеличивалась оттого, что враги-певды и поляки угрожали государству. И при всемъ этомъ новый, юный государь побѣдилъ всѣ невзгоды и трудности, успокоилъ государство и вывелъ его на широкій путь. Правда, и земскіе лучшіе выборные люди помогали царю. Мы видимъ, что тотъ Земскій Соборъ, который вручилъ жезлъ правленія Михаилу Феодоровичу, и теперь во всѣхъ трудныхъ вопросахъ и моментахъ жизни государства собирается по зову царскому и является помощникомъ и совѣтникомъ государя, собирая и отдавая ему не только матеріальную помощь, но и вручая ему самую жизнь на благо и спасеніе государства.

Черезъ пять лѣтъ правленія Россію уже нельзя было узнать. Не только внутри государства настало успокоеніе и миръ, но и внѣшніе

glass factories, etc., were established; physicians and druggists came from abroad; the famous astronomer and geographer Olearius was invited: and the printing press which had been destroyed by fire during one of the skirmishes, was once more in working order. So varied and far reaching was the interior activity of the Tsar of Moscow.

The monarch's labour for the church left nothing to be desired. Many churches received donations and help by order of the Tsar or out of his own private means.

In his private life the Tsar was profoundly religious. He often made pious journeys to various monasteries, and at home heard the divine service every day. In his manners this monarch was gentle, modest and very sociable. The common people knew that this Tsar was entirely incapable of any unkindness and loved and respected him for this.

The quiet personality of the first of the Romanoff dynasty was not distinguished for any dazzling single achievement, but his evenly consistent and adequate activity, as well as his self sacrifice at the darkest period of Russian history compel the loving gratitude of posterity. His activity seems to be the completion and the crown of all the self forgetful and glorious acts of such truly great people as the Patriarch Hermogen, the Archimandrite Dionissi, the cellarer of the Holy Trinity monastery Avraam Palitzin, Liapounoff, Kosma Minin, prince Dmitri Pojarsky and their glorious co-workers.

The Tsar Michail Feodorovich died July 12, 1645, leaving the throne to his son Alexei Michailovich.

(To be concluded).

сосѣди уже считались съ Московскимъ государствомъ, а Польша даже вернула дорогого плѣнника-отца государя—митрополита Филарета Никитича. Теперь еще лучше идетъ управленіе государствомъ. Отецъ царя становится патріархомъ—главой церковнаго правительства. И свѣтская и церковная власть тѣсно объединяются для общаго строенія и управленія государствомъ. Всѣ грамоты и распоряженія идутъ отъ имени Великаго Государя-Царя и великаго Государя—Святѣйшаго Патріарха. Миръ съ внѣшними сосѣдними землями даетъ полную возможность заняться внутреннимъ устроеніемъ и упорядоченіемъ жизни государства. Податная система приноситъ доходъ правительству, торговля оживляется, появляются иностранные купцы внутри государства, дворянскія помѣстья получаютъ болѣе правильное распредѣленіе. Съ другой стороны, начинается сближеніе съ Западомъ и заимствование разныхъ полезныхъ и необходимыхъ новшествъ. Смутное время показало превосходство западныхъ войскъ надъ русскими,—и вотъ теперь приглашаются иностранные офицеры для обученія и созданія новыхъ полковъ «драгунъ», «рейтаръ». Разнаго рода иностранные мастера приглашаются къ царскому двору на службу, отыскиваются въ Россіи разнаго рода руды и устрояютъ заводы (напримѣръ литейные и ружейные въ Тулѣ, для выдѣлки стекла, поташа, кожъ и др.), появляются иностранные доктора, заводится аптека, приглашается даже ит акой ученый, какъ астрономъ и географъ Олеарій — «въ Москвѣ и такіе люди надобны». А сгорѣвшая и раззоренная въ смутное время типографія, снова восстанавливается. Такъ разнообразна и широка была внутренняя дѣятельность Московскаго царя.

Храмы Божіи и вообще дѣятельность Государя на пользу церкви не оставляла желать лучшаго. Много жертвъ и помощи получаютъ разные храмы по повелѣнію Государя, а то и лично отъ него.

Въ своей личной жизни Государь отличался глубокою побожностью. Часто онъ совершалъ богомслѣя по разнымъ монастырямъ, а дома ежедневно присутствовалъ при богослуженіи. По характеру это былъ добрый, ласковый и скромный, привѣтливый Государь. Народъ зналъ, что никакого зла не можетъ исходить отъ этого Государя, за что любилъ и уважалъ его.

Скромная личность родоначальника Царствующаго Дома Романовыхъ не выдается какими либо отдѣльными громкими дѣяніями, но ровная, послѣдовательная, созидательная дѣятельность перваго Русскаго Царя изъ Дома Романовыхъ — Михаила Ѳеодоровича, отдавашаго всѣ свои силы и способности на благо государства и народа въ самую тяжелую годину, вызываетъ любовь и благодарность потомства. Эта дѣятельность есть какъ бы завершеніе — вѣнецъ тѣхъ великихъ и славныхъ подвиговъ, которые въ годину междоусобицы несли на алтарь отечества такіе великіе и лучшіе сыны отечества, какъ великій свѣтильникъ патріархъ Гермогенъ, архимандритъ Троицкой Сергіевой Лавры Діонисій, келарь Лавры Авраамій Палицынъ, Ляпуновъ, Козьма Мининъ—Сухорукъ, князь Димитрій Пожарскій и ихъ достославные сподвижники.

1645 г. 12 Іюля скончался царь и самодержецъ всея Руси Михайлъ Ѳеодоровичъ, благословивъ на престолъ сына своего Алексѣя Михайловича.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ,

Каѳедральный Прот. А. Хотовицкій.